

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ТРИДЦАТЬ
ТРИ – НОС
УТРИ...

Владислав Петрович Крапивин

Тридцать три – нос утри...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153932

Аннотация

Школьница Зина, героиня повести «Тридцать три – нос утри», никогда не узнала бы ни о магических тайнах числа 33, ни о тайнственных и порой страшных приключениях Виньки и его друзей, если бы ее несовременный дедушка не купил подозрную трубу.

Содержание

Первая часть	4
Открытие сверхновой	4
Мальчик в окне вагона	25
В середине века	46
Дом над оврагом	77
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владислав Крапивин

Тридцать три – нос утри...

*Юному поэту Даше Крапивиной,
чтобы помнила деда.*

Первая часть

Винька и его друзья

Открытие сверхновой

1

Ясным утром в последний понедельник мая Винцент Аркадьевич Греев узнал, что он окончательно спятил.

Эта новость прилетела к нему в приоткрытую дверь кабинета. Из прихожей. Там дочь Клавдия сердито шваркала шваброй-лентяйкой по линолеуму

– Ну, Зинуля, твой дед спятил бесповоротно. Вместо того, чтобы купить чего-нибудь такого для дома, всю пенсию высадил на дурацкую самоварную трубу. И вторые сутки те-

шится с ней у окна, как дошкольное дитя.

Седой, высокий и грузный – во всю широту и высоту двери – Винцент Аркадьевич возник на пороге.

– Ты что это за слова говоришь про родного отца, кукла недокрашенная! Вот возьму за косу да как вздую по хвостовой части!

Клавдия не дрогнула. Во-первых, у нее давно не было косы. Во-вторых, “вздувал” свою дочь Винцент Аркадьевич лишь раз в жизни, когда ей было семь лет. За то, что Клавочка Греева вместе с друзьями-первоклассниками каталась на плоту в залитом дождями заброшенном котловане и просто могла потонуть, если бы чахлый плот разъехался по бревнышкам. Но и тогда отцовские шлепки носили чисто символический характер. Исправлению Клавочки они не способствовали.

Впрочем, сейчас Клавдия все же сбавила тон.

– А чего... Ну в самом деле, лучше бы новый костюм купил. Или подарил бы внучке чего-нибудь из одежды, ребенок ходит оборванцем...

“Ребенок” вовсе не ходил оборванцем. Наоборот, было у него столько заграничного тряпья, что желающий мог бы изучать по этикеткам географию мира. Клавдия при случае замечала с удовольствием: “Не хуже, чем другие дети...”

Но вчера Зинуля устроила родителям сцену со слезливыми воплями – требовала какие-то “лосины с латунным блеском”.

Зинулин папа тут же сбежал в гараж. Винцент Аркадьевич заперся в кабинете. Но и там он слышал, как внушка наседа- ла на свою маму... Что за дети! Винцент Аркадьевич даже не знал толком, что такое лосины. В эпоху наполеоновских войн так назывались белые офицерские штаны в обтяжку, которые шили из лосиной кожи. Неужели сейчас бедных ло- сей сживают со света ради капризов таких вот девиц? Едва ли. Да и причем тут латунный блеск?

Зинуля ревела, что лишь такие лосины подходят к “тому самому тайландскому свитеру с желтыми павлинами”. И что они есть уже у Наташки и Люси, и что без таких лосин де- вочкам появляться на улице просто невозможно.

В общем, рев был на всю квартиру. Но Клавдия тогда не проявила к Зинуле сочувствия и наорала на нее: “Скоро не на что будет кусок хлеба купить, а ты лезешь со своей ду- рью!”

Зато сейчас Клавдия сумела превратить дочку в свою со- юзницу. Против деда, который мог бы трижды обрядить внучку с ног до головы, если бы в субботу не притащил из комиссионного магазина “эту никому не нужную бандуру”.

Надо сказать, что Андрей, Зинулин папа, “бандуру” одоб- рил. За это он услышал от супруги энергичную лекцию на вечную тему: “У всех мужья как мужья, а у меня...” Он мах- нул рукой и ушел в гараж чинить старенький “Москвич”. Этой работой можно было заниматься бесконечно, потому что “у всех машины как машины, а у нас музейная керосин-

ка, на которой стыдно выехать со двора”.

А сегодня, в понедельник, Андрей раным-рано уехал на завод и тем снова избавил себя от участия в семейной перепалке. Решил “выйти из боя” и Винцент Аркадьевич. С грустью обвел взглядом женскую половину своего семейства и удалился – плотно прикрыл дверь кабинета и щелкнул замком.

Потом Винцент Аркадьевич приласкал взглядом укрепленную на треноге “бандуру”, но подавил в себе желание устроиться перед ней на табурете – работа прежде всего, даже если ты на пенсии. При этом он по привычке воровато оглянулся на дверь, хотя она и была заперта.

Доктор технических наук, бывший профессор Института железнодорожного транспорта Винцент Аркадьевич Греев стеснялся своего поздно проснувшегося литературного дара.

...Однажды на банкете, где обмывали его очередное изобретение, Винцент Аркадьевич принял сверх нормы рюмочку коньяка и запальчиво поспорил с друзьями-сослуживцами, что может проявить свои таланты не только в конструировании погрузочно-разгрузочных механизмов для железной дороги, но и в области литературы. А что такого? Он весьма недурно писал акварели, умело резал по дереву, в юности играл в самодеятельном театре, так почему же не преуспеть и в изящной словесности?

– Хочешь сказать, что запросто напишешь художественную книжку? – поддел его приятель-оппонент Максим Гав-

рилович Ступка.

– Хорошая книжка не пишется “запросто”, – мудро рассудил доктор Греев. – А рассказ пожалуйста!

– Спорим!

– Давай!

Винцент Аркадьевич загорелся юношеским азартом и за три дня сочинил фантастическую историю о визите инопланетян, которые приняли кота Архипа (он гулял на пустыре) за представителя земной цивилизации. Потом набрался смелости и отнес этот опус в редакцию областной газеты, которая раз в месяц печтала “Литературную страницу”.

Рассказ “Созвездие Архипа” опубликовали в первом же выпуске. Правда под псевдонимом – на этом настоял Винцент Аркадьевич. Своим коллегам, однако, автор “Созвездия” сообщил, что В.Аркадьев – это он и есть. И в доказательство предъявил черновик рассказа.

Максим Гаврилович Ступка с похожим на кряхтение вздохом отдал новоявленному писателю-фантасту проигранный портсигар из серебра с чернью. Винцент Аркадьевич великодушно вернул проигрыш хозяину – тем более, что все равно не курил. Коллеги рассказ весьма одобрили – кроме директора института, который в образе кота Архипа усмотрел намек на себя.

Винцент Аркадьевич, увлекшись новым делом, написал еще семь рассказов. Через два года в местном издательстве вышла книжка В.Аркадьева “Созвездие Архипа и другие до-

стоверные чудеса”. Книжку похвалил в газете местный критик Ф.Раздольный.

Своим сослуживцам Винцент Аркадьевич подарил по экземпляру. Клавдии, Андрею и Зинуле – тоже: теперь уже было невозможно скрывать свои писательские дела.

Андрею книжка очень даже понравилась. Зинуля тогда читать еще не умела, однако пришла в восторг от того, что дед ее – писатель. Но потом заметно охладела. Видимо, под влиянием своей мамочки. А та, когда узнала, что за книжку Винцент Аркадьевич получил меньше, чем за самое мелкое свое изобретение, пожала плечами:

– Вроде бы серьезный человек, а чем занимаешься. Ты еще поэмы писать начни...

Винцент Аркадьевич устыдился и сердито разъяснил, что книжка была “разминкой ума и временной забавой, не более”.

– Просто решил доказать себе и другим, что могу и такое. А теперь – хватит...

Но Клавдия проницательно заметила:

– Насчет “хватит” это еще как получится. Сочинительство – оно такая зараза, хуже вируса. У нас в салоне была Генриетта Васёнкина, всё стихи писала да посылала в разные журналы... Один раз до того досочинялась, что про всё позабыла и клиенту выстригла полголовы. И теперь – не мастер и не поэт...

Клавдия работала в салоне модных мужских причесок.

Прически – это настоящее искусство. Это вам не книжки писать и не красками по бумажкам мазать...

Винцент Аркадьевич возразил, что он, если и продолжит литературные труды, то станет писать не фантастические истории, а серьезные воспоминания о своей долгой жизни.

На это Клавдия пожала плечами. А Винценту Аркадьевичу с той поры все казалось, что дочь, как увидит его за письменным столом, так усмехается про себя. Не станешь ведь объяснять каждый раз, что пишешь конспект лекций или статью в журнал “Транспорт” (тем более, что это неправда)...

Свою мысль взяться за воспоминания Винцент Аркадьевич не оставил. Идея окрепла, когда он вышел на пенсию.

Коллеги уговаривали профессора Греева на пенсию не уходить. Но директор не уговаривал. И Винцент Аркадьевич сказал, что читать в институте лекции он устал, а научной работой можно заниматься и дома. Даже больше времени будет для статей и новых разработок. А на самом деле помышлял о своих мемуарах.

Он придумал для мемуаров название, которое очень ему нравилось: “Тени как шпалы”. Известно ведь, что жизнь у человека – полосатая. Бывают солнечные моменты, а бывают – наоборот, как сумрачные тени. Вот и топаешь по жизни, как по дороге, пересеченной светлыми и темными полосами. Таков был у названия философский смысл. А кроме того, название это подчеркивало принадлежность автора к желез-

ной дороге.

Но, увы, писать про то, что было на самом деле, оказалось труднее, чем сочинять сюжеты про пришельцев и загадочные пространства. Винцент Аркадьевич измучился. Он не брился по трое суток. Писал, перечитывал и рвал листы. Казалось ему, что получается бессвязно и уныло...

А сегодня, этим солнечным (совсем уже летним!) утром Винцент Аркадьевич ощутил прилив творческой бодрости. Несмотря даже на стычку с Клавдией. Он сел к столу и решил приступить к делу заново. С первой строки. И был уверен, что сейчас все получится

2

Вверху чистого листа Винцент Аркадьевич начертал название мемуаров, а под ним – заголовок первой главы: “Елочный шарик”.

Свое жизнеописание доктор Греев начинал с давнего-давнего, раннего-раннего детства. А самым ярким воспоминанием той поры был зеркальный шарик – его собирались повесить на пушистую пахучую елку.

Винцент Аркадьевич не помнил других игрушек. Не помнил, кто именно украшал елку. Помнил только, что еловые лапы ласково покалывали голые до локтей руки, а шарик был гладкий и прохладный. И в нем – размером с небольшое яблоко – отражалось все-все! Это “все-все” жутковато и радост-

но поражало Виньку. Понимаете, в таком крошечном шаровом зеркальце вдруг собрался весь известный Виньке мир! И комната со знакомыми вещами, и дверь на кухню, и улица за двумя широкими окнами, где искрился морозный день. И синее небо, в котором мелькали удивительно малюсенькие, но совершенно настоящие воробьи. И весь этот отраженный мир, конечно же, был настоящий – крошечный двойник того мира, который вокруг.

В неполные три года человек далек от всякой философии. И все-таки смутная догадка шевельнулась в душе у Виньки. Видимо, это было первое ощущение того, что мир непостижим и удивителен. Что он может быть бесконечным и, тем не менее, сжиматься до размеров мячика. Что в нем бесчисленное множество пространств, где по-разному повторяются наши жизни. И что он – мальчик Винька – маленькая, но неотрывная частичка этого мира. И в то же время (это было самое главное!) весь мир в руках у него, у Виньки...

– Мама! Вот... – Винька поднял шарик, чтобы мама все поняла. Чтобы вобрала в себя Винькину радость и тут же защитила его от страха. От жутковатости, когда понимаешь: мир, который ты обнял пальцами, необъятен...

Как соединить в простых словах это детское ощущение и взрослые мысли о бесконечности, о многогранности миров во Вселенной?

Винценту Аркадьевичу казалось, что сегодня он сумеет. Он написал:

“Морозный день за окнами сверкал слюдяными блестками. Елка пахла праздником. И казалось, что шарик, которой Винька взял без спросу, отражает этот запах. Ведь елку-то он отражал до последней иголки...”

Винцент Аркадьевич исписал полстраницы и дошел до момента, когда шарик выскользнул из Винькиных пальцев. Упал и негромко лопнул на желтой половице...

Винька не плакал. Он был ошарашен и подавлен – тем, как мгновенно и как непоправимо может разлететься на мелкие осколки целая Вселенная. Винька не знал такого слова – “Вселенная” – но чувствовал именно так. Весь день он был тихий и молчаливый, пугал и расстраивал этим взрослых. К вечеру праздник взял свое. Тем более, что в других шариках мир отражался по-прежнему невредимо...

Винцент Аркадьевич закончил страницу:

“И все же Виньку долго не оставляло подозрение, что один из миров сегодня днем был разрушен безвозвратно...”

Он писал о себе в третьем лице. Так было легче. Писать “я” про себя про ребенка он почему-то стеснялся. Словно маленький Винька мог обвинить его в непростительном самозванстве.

За дверью поскреблись. В дверь стукнули.

– Что надо? – Винцент Аркадьевич сморщился. Только стало все получаться и нате вам!

Поскреблись опять. Тьфу ты... Он встал, открыл.

– Деда, можно я у тебя немножко посижу?

– С чего такая честь?

– Ну... так просто... – Зинуля со сдержанным кокетством переступала на пороге. Она была в свитере с желтыми павлинами. А ноги обтянуты чем-то шелковым, тускло-желтым с искорками. Значит, все-таки вытребовала у мамы что хотела.

– Не воображай, пожалуйста, что я буду восхищаться твоим “латунным блеском”. Я работаю.

– Ну и работай. А я посижу тихонько.

Что тут поделаешь? Все же родная внучка...

Она забралась в старое велюровое кресло, чихнула от поднявшейся из обивки пыли и притихла. Ну и ладно...

“Следующее Винькино впечатление, – начал писать Винцент Аркадьевич, – игрушечный медный паровозик. Винька увидел его у маминых знакомых, когда оказался там в гостях. Паровозик был чуть больше спичечной коробки, но в то же время казался Виньке настоящим. И удивительно красивым! Его ювелирные детальки отливали латунным блеском...”

Ну, подвернулись словечки! Как же тут не вспомнить ненаглядную Зинулю! И она словно отозвалась:

– Деда...

– Что скажешь?

– А можно... я немножко посмотрю в твою трубу?

– Надо же! Мне казалось, что тебя и твою маму сей предмет ничуть не интересует.

– Интересует...меня...

– Ну, садись, смотри... Подожди, я сделаю пониже...

Винцент Аркадьевич укоротил “ноги” подставки, чтобы окуляр длинной подзорной трубы оказался на уровне Зинулиного лица (та уже устроилась на табурете).

– Только не дергай трубу, поворачивай плавно.

– Я осторожненько...

Винцент Аркадьевич опять сел к столу. Пожалуй, истории с паровозиком надо посвятить отдельную небольшую главу. Так и напишем: цифра два, “Медный паровозик”...

– Зинаида, что ты так пыхтишь и возишься! Не даешь сосредоточиться.

– Сиденье твердое...

– Нежности какие!

– Это у тебя нежности. Я тихонько пыхтю, а ты сразу злишься. Я не виновата, что у тебя не пишется.

– У меня все прекрасно пишется!

– Ты роман сочиняешь, да?

– Что за глупости! Не роман, а ме-му-ары. То есть воспоминания. И не сочиняю, а пишу про то, что было.

– Вот потому и не получается.

– Почему “потому”? Ну-ка объясни, если ты такая умная.

– Потому что не интересно. Мама говорит, что воспоминания бывают интересные, если человек путешественник или артист. А когда он всю жизнь в одном городе, в одном институте... Ну, ты чего! Это мама говорит, а не я.

Винцент Аркадьевич посопел, успокоился и веско разъяс-

нил:

– Она хотя и твоя мама, но в то же время моя дочь. И это дает мне право сказать, что она круглая дура.

– Неправда!

– Во-первых я не всю жизнь в одном городе провел, бывало всякое. Иногда такое, что лучше бы и не надо... А во-вторых, самое интересное в жизни не путешествия и приключения, а люди. А всяких людей я встречал столько, что на сто книг хватило бы...

– Они были знаменитые?

– Они были... всякие. Кто тебе сказал, что интересны только знаменитости? Мама?

– Ничуть не мама... Сама подумала... Ой, смотри, коты дерутся на крыше!

– Где? – Винцент Аркадьевич с живостью приткнулся к Зинуле.

– Вон, на сарае...

3

Рыжий и серый коты короткими ударами лупили друг друга по усадым мордам. Потом сплелись в клубок и покатались по шиферной крыше. Сорвутся? Нет, на краю коты расцепились, отскочили друг от друга, вздыбили спины и распушили хвосты.

– Как на ладони, – с удовольствием заметил Винцент Ар-

кадьевич. — А ведь простым глазом и не разглядишь: где это?
— Деда, а он во сколько раз увеличивает?
— В сорок... Только не увеличивает, а приближает. И не он, а она. Это же подзорная труба.
— А я думала — телескоп...
— Ну... да. Она может служить и телескопом. Собственно говоря, я исходил как раз из этих соображений, когда покупал... Вообще-то такие трубы раньше использовались в стрелковых тирах, чтобы издали наблюдать попадания в мишени... Но разглядывать кратеры на Луне и спутники Юпитера в нее тоже можно...

Винцент Аркадьевич говорил с увлечением. Но не стал добавлять, что и земную жизнь разглядывать в сорокакратном приближении ему тоже нравится.

Нравится смотреть, как по дальней насыпи бегут милые сердцу грузовые составы, резвые зеленые электрички и разноцветные экспрессы. Как в сквере позади старого закрытого кинотеатра мальчишки гоняют пятнистый мяч. Как в просвете между кирпичными домами блестит кусочек реки и по нему проскакивают юркие катера. И как в стеклянной кабине, вознесенной высоко над тополями, юная крановщица в желтой косынке двигает рычагами (кажется, что она в пяти метрах от тебя)... Нравится читать объявления, приклеенные к ярко-синему павильончику автобусной остановки, который недавно поставили в соседнем квартале. Ну и многое другое. Вообще всякую жизнь...

Длинный девятиэтажный дом, в котором жил Винцент Аркадьевич, занимал полквартала на Тобольской улице. Другая сторона улицы была одноэтажная – с бревенчатыми домами, палисадниками и лавочками у калиток. Позади косых заборов зеленели обширные огороды. Улица тянулась по верху пологого склона, и вид из окон пятого этажа открывался просторный.

За огородами виден был громадный пустырь. Среди репейных джунглей и чертополоха торчали бетонные балки, валялись треснувшие панельные плиты и ржавела брошенная стрела подъемного крана. Когда-то городские власти надумали строить там новый квартал. Сил и денег, однако, хватило только, чтобы вырыть два котлована для подвалов.

Теперь котлованы превратились в покрытые ряской пруды, а среди строительного мусора паслись козы и бродили вольнолюбивые коты. Они, наверно, воображали себя рысями и леопардами. Впрочем, на коз коты не нападали, зато часто дрались друг с другом.

Иногда на пустыре играли в индейцев мальчишки.

За пустырем виднелись дома улицы Стахановской. Двухэтажные, обшитые почерневшими досками строения с квадратными окнами и деревянными балкончиками. Построены они были в давние времена, которые назывались “эпоха первых пятилеток”. Давно следовало их снести и дать жильцам нормальные квартиры. Но на это у городского начальства, конечно, тоже не было денег.

За крышами синел дымчатый лесной горизонт.

Винцент Аркадьевич поводил трубой по зубчатой кромке елового леса. Потом поймал в объектив маневровый тепловоз, неторопливо катившийся по далекой насыпи. Далекой – это когда смотришь просто так. А если в трубу, насыпь – вот она. Различим каждый стробелек на откосе, каждый цветущий одуванчик. А в открытом окне кабины виден усатый седой машинист и рядом, под локтем у него, лопоухий пацаненок в полосатой майке.

Винцент Аркадьевич привычно вздохнул. Конечно, хорошо, что есть внучка Зиночка (родная и любимая, несмотря на все вредности). Но жаль, что Клавдия не догадалась родить заодно и мальчишку. Могла бы постараться. Вон у Максима Гавриловича Ступки невестка принесла из роддома аж целую тройню! И все пацаны...

Винцент Аркадьевич вздохнул еще разок и повел трубой вниз, на пустырь. Там на скакивал на мирных коз бестолковый клочкастый щенок. Козы лениво мотали рогами и лошадиному отбрыкивались от дурня задними ногами. Щенок наконец обиделся и ушел...

– Деда, а на Луну ты дашь мне посмотреть? – напомнила о себе Зинуля.

– Луна будет вечером.

– Иногда она бывает и днем.

– Да, – сдержанно согласился дед. – Но в эти дни она восходит после восьми часов вечера, на востоке. Сейчас полно-

луние...

– Деда... я тебе надоела, да?

– Ну что ты такое говоришь, – устыдился своей сухости Винцент Аркадьевич. – Просто я... гляжу в окуляр и в это же время думаю о своей работе. Поэтому неразговорчивый...

– А в эту трубу можно открыть новую звезду? Или они уже все открыты?

– М-м... не знаю. Я ведь не астроном... Наверно, можно открыть. Какую-нибудь сверхновую...

– Как это “сверх”?

– Бывает, что в небе зажигается новая звезда, которой вчера еще никто не видел. Где то в космосе была она совсем маленькая, даже для телескопов неразличимая, а потом вдруг разгорелась, взорвалась ослепительным светом. И кто ее первый увидит – тому честь и слава...

– А! Тогда я знаю!

– Что ты знаешь? – подозрительно спросил Винцент Аркадьевич, не отрываясь от окуляра.

– Я догадалась! Ты специально купил трубу, чтобы открыть сверхновую звезду!

– Что за глупости! Я купил... просто ради удовольствия. Потому что с детства мечтал о такой оптике, да все не мог собраться. То денег не было, то времени... А звезду... гм... подожди-ка... Ха! Кажется я и в самом деле... открыл что-то такое...

Звезда была не на небе. На пустыре. Среди свежих лопу-

хов что-то синело, и на этой синеве как раз и светилась звезда. Белая, пятиконечная.

Может, упала с неба и застряла в зарослях? Чем не сюжет для нового рассказа...

— Где звезда? — Зинуля решительно оттерла деда от телескопа. И тут же изошла шипучим презрением:

— Это просто Печки-Лавочки!

— Что за лавочки?

— Прозвище такое, вот что! Вовка Лавочкин из нашего класса!.. Балда такая! Что-то прячет в траве. Или рогатку, или дневник...

— Ну-ка... — Винцент Аркадьевич в свою очередь оттеснил Зинулю.

Да! Вовка там или нет, но безусловно мальчишка. Он стоял на четвереньках, сунув голову в лопухи. Теперь можно было различить зеленый школьный рюкзачок и рубчатые подошвы кроссовок с желтой прилипшей кожурой тополиных почек. А между кроссовками и рюкзачком был тощий зад, обтянутый пестрой материей. На этом задуге и была звезда. Вернее, на его левой половине. Мальчишка попятился, и стало видно, что правая половина зада расцвечена красными и белыми полосами.

Ясно стало, что Зинулин одноклассник одет в костюм, сшитый как бы из американского флага. Такая мода появилась пару лет назад. На рубашке сзади обычно красовался разлапистый штатовский орел или ковбой на вздыбленном

мустанге.

Каждый раз, когда на глаза попадался такой вот “амэрикен бой”, Винценнт Аркадьевич усмехался и думал: а что, если бы он, Винька Греев, полсотни лет назад пришел бы в школу в таком вот наряде? Или появился бы в нем на улице Зеленая Площадка? Весь окружающий мир встал бы на уши! Мало того, что такая девчоночья пестрота! Она еще и *американская*. “Трумэн! Генерал Макартур! Поджигатель войны!”

Все на свете меняется: и моды, и политика...

Лавочкин между тем выпрямился, повернулся. Отряхнул и заправил в мятые шорты куцую рубашонку. Она была заметно полинялая: видать костюм служил Вовке не первый год. Вовка поправил лямки рюкзака, расставил крепкие, покрытые майским розоватым загаром ноги, сунул пальцы в кармашки у пояса и глянул вверх.

Лицо у Лавочкина было скуластое, нос вздернутый, с двумя аккуратными дырками, толстогубый рот – приоткрыт. Вовка водил по губам кончиком языка и о чем-то размышлял. Кажется, о серьезном. Возможно, он видел в небе что-то свое, незаметное для других.

Винцент Аркадьевич ощутил к незнакомому Вовке симпатию.

– А почему Печки-Лавочки? Глупое прозвище.

– Ничего не глупое! Из-за фамилии...

– А чем плохая фамилия? Был в свое время такой ученый, знаменитый конструктор боевых самолетов!

– Ну, так это конструктор – знаменитый. А наш-то Лавочкин просто “Вовка – не боли головка”...

– Вы его еще и так дразните?!

– Ага... Только не часто. Он такой. Терпит-терпит, а потом как бросится! Не дай Бог, если догонит!

– А что сделает?

– Мне один раз чуть косу не выдрал.

– Ну и правильно.

– Ничего не правильно! Ты ведь не знаешь, в чем дело!

– Я знаю *тебя*.

– А я его тоже огрела. Он даже ревел, вот...

Сообщив это, Зинула надулась. Всерьез. А Вовка Лавочкин между тем еще раз поправил рюкзачок и деловито удалился из поля зрения.

Зинаида тяжело сопела. Чтобы смягчить обстановку, Винцент Аркадьевич примирительно сказал:

– А зачем ему дневник-то прятать? И почему он с рюкзаком? Ведь каникулы же у вас!

– Каникулы у тех, кто добросовестно учился в году, – с ошутимым самоуважением сообщила Зинуля. – А такие, как Лавочкин, будут заниматься до тридцать первого мая. А кое-кто и дальше. Так решила наша завуч Венера Григорьевна.

“Ясно, что за Венера” – сказал себе Винцент Аркадьевич. И опять посочувствовал в душе Вовке Лавочкину.

– А что, неужели он двоечник?

– Не двоечник, а... он *непредсказуемый* ! Так говорит Ан-

на Сергеевна. В этом все дело.

– Не понимаю...

– Ну... от него не знаешь, чего ждать! То пятерки, до еле на троечках ползет! То тихонький ходит всю неделю, а то... в субботу притащил во-от такую брызгалку! С мягкой бутылкой из-под газировки! Говорит: это салют в честь окончания учебы. И прямо на уроке давай всех поливать!..

– Но вы же сами, наверно, все визжали от радости!

– Мы-то от радости... А Анна Сергеевна говорит: кому-то конец учебы, а кто-то еще походит в школу до конца месяца. За свое поведение... Только он ведь все равно не ходит! Ты же сам видел: гуляет в лопухах и галок в небе считает...

– Я бы тоже гулял. Разве это справедливо лишнюю неделю гонять человека на уроки за какую-то брызгалку!

– Не за брызгалку, а за всякое...

– Зинуля, ты зануда, – Винцент Аркадьевич встал. – Шагай отсюда, моя дорогая, мне надо работать.

Мальчик в окне вагона

1

Сейчас работа шла хуже. Мешали сосредоточиться посторонние мысли. И почему-то все время вспоминался тепловоз на насыпи – с усатым машинистом и мальчишкой.

Винцент Аркадьевич не устоял перед соблазном, опять сел к трубе. Но теперь насыпь была пуста. Лишь скакали по блестящему рельсу воробьи. Винцент Аркадьевич повел трубой пониже: нет ли чего интересного в других местах? В поле зрения косо поплыли дощатые дома Стахановской улицы. В одном доме на втором этаже было распахнуто окно. И... в этом окне Винцент Аркадьевич увидел уже знакомого Вовку Лавочкина.

Он узнал Вовку по звездно-полосатой рубашке. Вовка был виден по плечи (видимо, стоял у окошка на коленках). Локти он поставил на подоконник, а лицо его было скрыто кулаками и подзорной трубой, которую он в этих кулаках держал – приставил ее к глазу.

Труба была не такая, как у Винцента Аркадьевича, маленькая. И скорее всего, самодельная: над объективом торпещил клочок отклеившейся бумаги. Конечно, приближала она не в сорок раз, а где-нибудь раз в пять, не боль-

ше. Но... все-таки приближала. И когда две трубы сошлись – объектив в объектив – Винцент Аркадьевич понял, что Вовка видит его.

Он, Вовка Лавочкин, оторвался на миг от окуляра, отвел в сторону лицо. Брови его смешно приподнялись, глаза округлились, лоб сморщился. Вовка прикусил нижнюю губу. Потом почесал кудлатое темя. И снова приткнулся к окуляру.

Так они смотрели друг на друга с полминуты. Потом Вовка поднял над плечом ладонь и качнул ей из стороны в сторону. Помахал ему, незнакомому пенсионеру. И будто ниточка протянулась между двумя объективами. От улицы Тобольской до улицы Стахановской. Над огородами и крышами, над заросшим пустырем... Винцент Аркадьевич тоже поднял руку.

Нет, он не помахал Вовке. Словно что-то его толкнуло – он качнул пальцы к себе. Этаким приглашающий жест. Иди, мол, ко мне, Вовка.

И тот понял!

Высунулся из окна по пояс и закивал. И скрылся...

Вот как все получилось. Неожиданно и странно. Винцент Аркадьевич был смущен. Что же теперь делать? Ждать Вовку Лавочкина в гости?.. Ну а что такого? Пусть придет. Посмотрит большую трубу, расскажет, как мастерил свою... Возможно, этот эпизод пригодится для мемуаров “Тени как шпалы”.

Конечно, со стороны может показаться смешно: сошлись

старый да малый. Но... может быть судьба теперь более удачно повторяет давний случай?

Ох, но как Вовка найдет его в большущем этом доме? Едва ли мальчишка за несколько секунд сумел определить, на каком этаже, в каком по счету окне увидел дядьку с телескопом. Их, окон-то, по фасаду чуть не полтыщи! И девять подъездов. Недаром окрестные жители именуют это здание Великой китайской стеной.

Пойти, что ли, встретить?

“Ты ищешь повод, чтобы улизнуть от работы”.

“Но я написал полторы страницы! Имею я право на утреннюю прогулку?”

На улице было чудесно. Тепло, а на солнце – просто-напросто жарко. Но это была приятная жара, сквозь нее пробивался ветерок, пахнувший тополями. Их листва была еще молодой, клейкой...

Каким же путем идти навстречу Вовке?

Логичнее всего – напрямик через пустырь.

По пустырю, среди бурьяна и бетонных обломков разбежались тропинки. Винцент Аркадьевич зашагал по той, что вела (как ему казалось) точно к Вовкиному дому.

Тропинка сперва шла прямо, а потом стала петлять среди зацветающего иван-чая и осота с желтыми пушистыми головками. Один раз гукнул тепловоз, простучал по насыпи поезд, но дальний шум не прогнал здешнюю тишину. Она тихонько звенела, и казалось, что звон этот – от жаркого сол-

вечного света.

Винцент Аркадьевич увидел, что тропинка уходит в сухие репейные джунгли, и озаботился: он был в новых светлых брюках и такой же куртке. Пойти в обход?

И в этот миг из джунглей возник Вовка Лавочкин.

Остановился.

В спутанных его волосах и на звездно-полосатой рубашке были прошлогодние репы, на ногах и руках – белые царапины, а на скуластой рожице – нерешительность и ожидание. Вовка тронул языком трещинку на верхней губе и улыбнулся. Чуть-чуть.

– Привет, – сказал Винцент Аркадьевич. Кажется, получилось чересчур небрежно, нарочито. Вовка отозвался отчетливо:

– Здравствуйте. – Он шмыгнул ноздрей, улыбнулся заметнее и голой пяткой почесал косточку на другой ноге. Видать, ужалил в зарослях.

– А чего ты босиком-то?

– А! – он будто обрадовался. Весело зашевелил пальцами ног. – Не успел кроссовки надеть, заторопился.

– Почему заторопился?

– Ну... я подумал: вдруг вы правда меня позвали?

– А я правда позвал! – И Винцент Аркадьевич ощутил, как скованность у него исчезла. – Позвал, а потом подумал: как ты меня отыщешь в нашей громадине?

– Я бы отыскал! Походил бы, поглядел бы на окна!... А

вы... — Он опять шмыгнул ноздрей и поглядел исподлобья.

— Что?

— Вы, что ли, специально пошли мне навстречу?

— Естественно...

Вовка посмотрел на свои ноги. Опять пошевелил пальцами. Кажется, с сомнением. Мол, так ли это “естественно”?

— Раз уж встретились, давай-ка сядем да побеседуем. Вон там... — Неподалеку лежали друг на друге две расколотые серые плиты. Забыв о новых брюках, Винцент Аркадьевич уселся на пыльный бетонный край. Вовка вспрыгнул на плиту в метре от него — как воробушек. Сел на корточки, обхватил колени. Сбоку по-птичьи глянул на Винцента Аркадьевича.

“Интересно, что он думает про меня? Станный седой дядька, поманил зачем-то... А может, он меня боится?”

— Ты, наверно, гадаешь: “С чего это старик надумал заводить со мной знакомство?”

— Не, я не гадаю! Я догадался! Потому что у вас телескоп и у меня. Дело ведь не в том, кто старый, а кто маленький, а в том, что дурачества одинаковые... ой... Это бабушка так говорит: “Дурачество у тебя с той подозрительной трубой”. Я говорю: “Не с подозрительной, а с подзорной”. А она все равно...

— Знаешь, друг мой, мне говорят то же самое. Только не бабушка, а дочь. Она уже взрослая... Видимо, таковы женщины. А?

Вовка не отозвался на эту излишнюю (опять нарочитую) доверительность. Помолчал. Потерся облупленным ухом о колено. Деловито спросил:

– У вашего телескопа какая кратность?

– Сорок...

– Ух ты! А у меня всего шесть. С половинкой...

– Сам сделал?

– Ага... А вы?

– У меня, брат, система Ленинградского завода. Правда, старая, в комиссионке взял. Но работает отлично. Так что я тебя, конечно, разглядел получше, чем ты меня.

– Ну... я тоже... разглядел... Я вас случайно увидел. Вы не думайте, что я люблю в окна подглядывать. Я за самолетом наблюдал, за “Ан – два”. А потом качнул трубу, а в ней – вы...

– У меня почти так же получилось. Только я за тепловозом следил... В силу своей приверженности к железнодорожной профессии.

– Значит, вы не астроном... – В голосе Вовки было скрытое огорчение.

– Нет... я конструктор... Кстати, зовут меня Винцент Аркадьевич. А тебя – я знаю – Вова Лавочкин.

– Ой. А кто вам сказал? – Он спустил с плиты ноги, вцепился в бетонный край. Вытянул шею.

Винцент Аркадьевич не стал хитрить.

– Внучка сказала. Она с тобой в одном классе учится. Зи-

на Коновалова... Она тебя сегодня в трубу разглядела, когда ты что-то в лопухах... искал... – Он чуть не сказал “прятал”.

– А-а... – тихонько отозвался Вовка. И стал смотреть в сторону.

– А чего ты так... увял? У тебя с Зинулей что, нелады?

Вовкино острое плечо неопределенно шевельнулось под синей с белой звездой материей. Протом он спросил крайне равнодушно:

– Она небось наговорила про меня всякое?..

– М-м... нет, – соврал Винцент Аркадьевич. – Сказала только, что Анна Сергеевна заставила тебя учиться до тридцать первого. Несправедливо, из-за брызгалки.

– Да она уже отпустила! Я сегодня на первый урок пришел, а она говорит: “Ладно уж, гуляй, моя радость...” Потому что отметки-то у меня нормальные, только по рисованию тройка...

– А чего же так? Нет способностей?

– Не знаю... Учительница говорит: “Мне тут нужны не “вангоги”, а обыкновенные дети, которые рисуют по правилам...” Вы не знаете, кто такая вангога?

– Не “такая”, а “такой”. Французский художник Винсент ван Гог... Он тоже рисовал не по правилам, поэтому жизнь у него была несладкая... Зато после смерти прославился...

– После смерти это поздно, – рассудил третьеклассник Лавочкин. И спохватился: – Ой! А у вас, значит, такое же имя, как у этого художника!

– Почти. Он Винсент, а я Винцент. Испанский вариант произношения.

– А вы... разве вы испанец?

– Ни в малейшей мере!.. Тут такая история. У моего отца был друг, испанский летчик Винцент Родриго Торес. Он погиб. Ну, а меня назвали в память о нем...

– Почему погиб-то? – насупленно сказал Вовка, глядя перед собой.

– На войне. Была в тридцатых годах в Испании гражданская война. Отец там воевал добровольцем, против фашистов...

– Он тоже был летчик?

– Нет, он был техник на аэродроме. Помогал готовить к полетам и ремонтировать истребители, которые Советский Союз посылал на помощь республиканцам... А ты, наверно, про ту войну и не слыхал, а?

– Слыхал... Я ее в кино видел, в старом. Называется “Парень из нашего города”.

– Да уж, действительно старинный фильм! Я его смотрел, когда был такой, как ты.

Вовка глянул искоса: неужели, мол, вы были когда-то такой же, как я? Но спросил о другом:

– А тот художник, ван Гог, он тоже в Испании воевал?

– Нет, он жил гораздо раньше... Кстати, у меня висит его картина. Ну, то есть не совсем его, а копия, но хорошая. С кораблями... Если ты не откажешься побывать у меня в го-

стях, то сможешь разглядеть ее во всех деталях... А заодно познакомишься с моей трубой. Мне кажется, она тебя заинтересует. А?

– Когда?

– Что когда?

– Ну, побывать-то, – вздохнул Вовка.

– Можно прямо сейчас. У тебя же, как я понял, каникулы...

– Не... – опять насупился Вовка. Вытянул ноги горизонтально и провертел ступнями. – Куда же я вот так-то, босиком... А если за кроссовками пойти, бабушка больше не выпустит, скажет: иди картошку чистить или посуду мыть...

– Что за церемонии! Ты же не на прием в британское посольство собираешься!.. Я в твои годы гулял босиком куда угодно и без всяких сомнений...

Вовка бросил быстрый взгляд: какие, мол, это были годы-то! До нашей эры...

– А Зинка... она дома?

– Не все ли равно? Я живу, как говорится, автономно. Если она будет к нам соваться, мы ее про-иг-но-ри-ру-ем.

Вовка Лавочкин подумал секунду и потряхнул головой с репьями:

– Тогда ладно...

Винцент Аркадьевич хотел вернуться прежней тропинкой. Но Вовка сказал, что есть другая, покороче. И зашагал впереди.

Шагов через сто Вовка остановился у лопуховой гущи. Винцент Аркадьевич понял: это те заросли, где он недавно увидел звезду. Он узнал место по кривому тополю, который рос неподалеку.

– Знаете, что я там смотрел? – Вовка таинственно кивнул на лопухи.

– Не знаю...

– Глядите... – Вовка встал на четвереньки и раздвинул большущие листья. Пришлось присесть рядом. В лопухах была спрятана поломанная корзина, а в ней вылизывала новорожденных щенков серая кудлатая собачонка. Она глянула доверчиво: видать, знала Вовку и не боялась.

– Она ничья... Потом, когда щенки подрастут, надо их кому-нибудь раздать, чтоб не стали беспризорными. У вас есть собака?

– Гм... У нас есть кошка Лолита, любимица Зинули. Я не думаю, что она уживется со щенком.

– Да что вы! Это неправда, что кошки и собаки враги! Они знаете как дружить могут!

– Ну... поживем – увидим...

– Ага, увидим... – Вовка задвинул лопухи.

Винцент Аркадьевич встал и чертыхнулся. Кругом все усеяно было шелухой тополиных почек, она прилипла и к светлым брюкам. Винцент Аркадьевич стал сбивать ее щелчками. На ткани оставались желтые пятнышки. Отстираются ли?

А Вовка, тот оказался облепленным тополиными кожурками с ног до головы. Они приклеились даже к щекам. “Чучело”, – усмехнулся про себя Винцент Аркадьевич.

К большой досаде, он забыл ключ, и когда оказались у двери, пришлось звонить. Открыла Клавдия. И, конечно же, уставилась на “чучело”.

– Это Вова. Он пришел ко мне в гости, – независимо сообщил Винцент Аркадьевич.

Клавдия уперлась взглядом в пыльные Вовкины ступни.

– Ноги вытирайте, я пол мыла...

Вовка послушно зашоркал голыми подошвами о расстеленную влажную тряпицу. Винцент Аркадьевич сбросил туфли и сунул ноги в шлепанцы. Взял Вовку за плечо. Все еще надеясь на мир, объяснил Клавдии:

– Вова интересуется моей трубой. Потому что у него тоже есть телескоп. Самодельный...

– Рыбак рыбака... – сказала Клавдия в пространство.

– Клавдия Винцентовна! По-моему, у вас дела на кухне! А мы займемся *нашими* делами. – И повел оробевшего Лавочкина к своей двери. В прихожую высунулась Зинуля. Обал-

дело помолчала и пропела:

– О-о! Кто к нам пришел!..

– Не к “вам”, а к Винценту Аркадьевичу.

– Ах! Ах! Ах! Какие мы важные...

Из открытой кухонной двери на Зинулю широко светило солнце. И она была опять желтая и блестящая. Вовка сообщил с язвительным восхищением:

– Ты блистешь, как медный самовар.

– А ты... ты... как дворовый Бобик, весь в репьях!

– Да, я такой! – И Вовка глянул на Винцента Аркадьевича: мол, не слишком ли я нарушаю приличия? Тот похлопал его по плечу: все в порядке.

Вовке профессорское жилье понравилось. Он с удовольствием обозрел деревянные резные маски на стенах, большую карту железных дорог, модель тепловоза (подарок друзей к шестидесятилетию) и стеллажи с книгами, И – конечно же! – копию картины “Рыбачьи лодки на побережье Сен-Мари”. Постоял перед ней с минуту и покивал. Оглянулся.

– Я, наверно, тоже так смог бы...

– Ты уверен?

– Ага... то есть почти... А трубу можно посмотреть?

– Конечно!

Прежде чем сесть к окуляру, Вовка внимательно осмотрел трубу снаружи. Потом – треногу. И наконец – табурет. Погладил некрашенное, но отполированное за полвека сиденье.

– Старинный?

– Не вяжется с остальной обстановкой, да? Видишь ли, это единственная мебель, которая сохранилась у меня с детских лет. Она из старого деревянного дома.

Вовка еще раз погладил табурет – с уважением.

– До сих пор крепкий...

– Да... А внучка его не любит, говорит, что слишком твердый.

Вовка оттопырил губу – молча показал свое отношение к Зинаиде Коноваловой и ее дурацким нежностям. Затем устроился на сиденье, укрепив пятки на перекладинке между ножками. И придвинулся к окуляру.

– Ух ты... – И после этого примолк минут на пять. Потом обрадовался:

– А вон моя бабушка. В окно высунулась. Наверно смотрит, куда это я провалился...

– Будут неприятности? – встревожился Винцент Аркадьевич.

– А! Не сильные. Обыкновенное дело...

И опять примолк. Надолго.

Винцент Аркадьевич сел к столу. Прочитал, что написал сегодня. Решил, что не так уж плохо. Иногда за дверью слышалось дыхание и шевеление – Зинуля. Винцент Аркадьевич и-гно-ри-ро-вал. А Вовка, видимо, просто не слышал. Шевелил трубой и облизывал губы. Долго. Наконец сообщил:

– В Коленчатом переулке ребята змея запустили, красного и желтого. А по рельсам петух гуляет. Под поезд не попадет?

– Успеет удрать.

– А бабушка закрыла окно. Наверно, на рынок ушла...

– Бабушка, конечно, серьезный объект для наблюдения.

Но, знаешь ли, на Луну и планеты смотреть не менее интересно.

– Но они же ночью!

– Или вечером. Ты приходи ко мне часов в девять, когда встанет Луна. Отпустят тебя?

– Ага... Только знаете что...

– Что?

– Можно я свой телескоп с собой принесу? А то...

– Что “а то”?

– Ну... – Вовка крутнулся на табурете. Глянул виновато и честно. Глаза у него были цвета свежей сосновой коры. – Понимаете, ему обидно будет. Что я его, самодельного, бросил и убежал к настоящему.

– Приноси, конечно! Мне, кстати, любопытно, что за конструкция...

– Простая конструкция, – вздохнул Вовка. – Два стекла да две трубки... – Он встал и потер себя сзади. Видать, отсидел с непривычки.

– Отдохни, Вова. Садись вон туда. – Винцент Аркадьевич кивнул на кресло, где любила устраиваться Зинуля. За дверью задышали шумно и ревниво.

Вовка послушался, Но сперва аккуратно отклеил от ног все тополиные кожурки. Бросить их на пол он не решился и

затолкал в нагрудный кармашек (пополам красный и белый). Потом прыгнул в кресло спиной вперед.

– Здо рово! Как батут!

Он опять обвел глазами комнату. Боком лег на пухлый подлокотник. Ладонью подпер щеку. И вдруг – полушепотом:

– Винцент Аркадьевич...

– Что, голубчик?

– А вот вы... вы меня позвали потому, что у меня труба? Или... почему-то еще?

Ух ты, как он... Можно сказать, прямо в яблочко. Что ответить? Про свое одиночество (хотя вроде бы и семья, и немало знакомых)? Или...

– Не только потому, что труба... Я вспомнил одну давнюю историю.

Вовка сказал тихо, но с настойчивым ожиданием:

– Какую историю?

– Одну встречу...

Он собирался написать о ней в “Тенях и шпалах”. В главе “Мимолетная улыбка”. Не раз обкатывал в голове этот эпизод. Поэтому сейчас заговорил довольно складно.

– Было это лет двадцать назад. Мы с дочкой ехали из Крыма, отдыхали там. Ехали южной дорогой, жара была, степи кругом. Поезд грязный, в вагоне духотища... Ни в ресторане, ни на станциях – никакого питья, только липкий персиковый сок, от него еще больше пить хочется. А тут еще, как гово-

рится, одна беда к другой: Клава, дочка, схватила какую-то лихорадку, лежит в купе с температурой тридцать девять, хнычет, губы облизывает...

Выпросил я у проводника пол-литра кипяченой воды, но она теплая, противная...

Ну, дал я Клаве аспирин, она уснула наконец, я вышел в коридор, встал у окна. А кругом даже не степь, а полупустыня какая-то. И солнечный жар... Это где-то перед Волгоградом. Ветер в окошко врывается, но без прохлады, пыльный и горячий. А в коридоре еще, к тому же, тетушки беседуют, что в здешних местах, мол, холера объявилась...

В общем, тошно на душе так, будто в нее, в душу, вылили банку того самого персикового сока. Думаю: что дальше-то будет? Еще двое суток ехать...

И тут встали мы на каком-то разъезде. На соседних путях – поезд, такой же, как наш. Такие же пыльные вагоны, так же стекла в окнах опущены. И вдруг вижу – наискосок от меня в окне мальчик. Лежит на верхней полке и смотрит на белый свет. Оперся подбородком о край приспущенной рамы... Обыкновенный такой мальчик, белобрысый, уши оттопыренные. И, конечно же, хорошо ему. Наверно, и питье прохладное есть, и на жару наплевать, и много радостей впереди: к морю едет... И хворей никаких...

Признаться, меня даже зависть кольнула. А он... тут он посмотрел на меня, мы глазами встретились. И знаешь... мне кажется, он что-то понял про меня. Улыбнулся чуть-

чуть и ладонью помахал. Вот так. Держись, мол, дядя, все еще наладится в жизни... И я... Хотя и несладко было, но помахал в ответ. Думаю, вот хороший человек. А тут его поезд дернулся и пошел. Он высунулся и еще помахал. Ну, и уехал...

– И все? – шепотом спросил Вовка.

– Не все... Как ни странно, стало мне полегче. Все вокруг то же, что и раньше, но какая-то надежда появилась. И вот представь себе, через полчаса въехали мы под могучую грозовую тучу. И грянул по вагонам ливень. Вспышки, грохот, брызги в открытые окна. И свежий мокрый ветер по вагонному коридору. И долго это было... А потом за окнами – влажная зелень, радуга и уже никакой духоты. И вскоре на станции погрузили в вагон-ресторан холодную газировку и минералку, и пиво, и квас...

А у Клавы разом кончился жар. Она сказала, что, наверно, с перепугу: она ужасно грозы боялась, а над вагоном один раз грянуло так, что он чуть с рельсов не соскочил... Вот такая история, брат ты мой... – И Винцент Аркадьевич заулыбался. С облегчением.

А Вовка не улыбнулся.

– Хорошая история. Только...

– Что?

– Ну, я-то здесь при чем?

– А! Видишь ли... Да, казалось бы, ни при чем. Но... когда ты в своем окне взял да и помахал мне, я сразу вспомнил

того мальчика. Похоже очень... И подумал: тогда мы разъехались, потому что в поездах. Но дома -то, они ведь не вагоны. Чего ж нам так – помахать да разъезжаться? А?

– Ну да... – неуверенно сказал Вовка. И напомнил: – Значит, сегодня будем смотреть Луну?

– Если ты не против. Приходи к половине девятого...

3

Вовка появился точнехонько в восемь тридцать. На этот раз – в кроссовках. И в длинной вязаной безрукавке – по случаю вечерней прохлады. Мало того, были заметны недавние старания расчесать его кудлатые волосы на косой пробор.

Под мышкой Вовка держал коричневый футляр, в каких носят свернутые чертежи.

Окна кабинета смотрели на запад, а Луна всходила на востоке. Винцент Аркадьевич и Вовка перенесли треногу на балкон – через большую, “общую” комнату. Под негодующее молчание Клавдии. И под любопытное сопение Зинули.

Конечно же, Зинуля просочилась на балкон следом за “астрономами”. Но не вредничала, молча присела на перевернутую кадушку из-под капусты.

– Принеси-ка табурет, дорогая, – сказал Винцент Аркадьевич.

– А ты дашь мне посмотреть на Луну?

– Неси, не торгуйся.

Зинуля послушалась. Когда она ушла, Вовка насупленно сказал:

– Пускай уж она тоже поглядит.

– Договорились.

Зинуля приволокла табурет.

– Все ноги об него пооббивала... Ты, Печкин, мог бы и помочь.

– А ты просила?

– Мог бы и догадаться.

– А я недогадливый.

– И вообще головкой стукнутый...

– Поймаю на улице – косу выдеру, – шепотом пообещал ей одноклассник Лавочкин.

– Кто?! Ты?! – завелась Зинуля. – Да я тебя вперед поймаю! Вперед выдеру... Тебя и так все девчонки в классе лупят!

– Меня?! Да я просто связываться с вами не хочу! Чуть что, сразу: “Анна Сергеевна-а! Чего он лезет!”

– А кто ревел, когда от Косицкой указкой по шее попало?

– Балда! Не по шее, а по локтю! Он и так был разбитый, а она по нему по больному! Давай я тебе сперва локоть расшибу чем-нибудь, а потом по нему указкой! Тогда узнаешь!

– Я сама тебе что-нибудь расшибу!

– Цыц, – сказал Винцент Аркадьевич. – Храните сдержанность и достоинство перед лицом восходящего космического тела. Смотрите, вот оно...

Большая, не совсем еще круглая Луна появилась над стоящей во дворе котельной, справа от трубы.

Солнце до сих пор не зашло, бросало оранжевый свет на асфальтовый двор, на кусты и гаражи. Но на востоке небо уже было лиловым, и шар Луны выступал на нем четко.

Вовка заспешил, вытащил из футляра свой телескоп. Труба была оклеена глянцевой зеленой бумагой. Надо сказать, не очень аккуратно оклеена, со складками...

– Дай-ка мне, – велел Винцент Аркадьевич. – Я посмотрю в него, а ты в большую трубу. Я-то в нее уже насмотрелся.

– Ладно... Только у меня там все вниз головой видится.

– Знаю. Это не беда... У меня когда-то был такой же самодельный инструмент. Я его чертеж в “Затейнике” нашел. Выходил такой детский журнал в сороковых годах.

– Да ведь и я в “Затейнике”! У нас этих журналов целая пачка, от дедушки осталась! Дедушку я не помню, а журналы в кладовке разыскал,

– Ну, значит, та самая конструкция! Объектив из стекла от очков?

– Ну да. От бабушкиных, от старых...

– А у меня... у меня не от бабушкиных...

– А от чьих? – осторожно сказал Вовка. Видать, что-то почуял.

– Они попали ко мне после одного случая. Грустного... Это давняя история.

– Такая же, как та, про поезд?

– Что ты! Гораздо более давняя. Ведь я тогда был такой же, как ты. Или, наверно, постарше на год...

В середине века

1

Полсотни лет прошло, но и сейчас иногда, в тоскливые минуты, Винценту Аркадьевичу слышится тот жалостный крик. Будто наяву. Протяжный, горестный – вестник беды...

Он, этот крик был совершенно неуместен в лагере “Ленинская смена”, где полагалось звучать песням о кострах и красном галстуке, хриплым сигналам горна, рассыпчатому барабанному стуку и бодрым речёвкам. И вдруг – словно на деревенском дворе, где узнали о несчастье:

– Ох ты горюшко мое горькое! Ох ты маленький мой, соколик ты ясный, солнышко мое упавшее!..

Это во весь голос причитала старая повариха тетя Тоня. Крик доносился от реки. Он был слышен повсюду, потому что лагерь только-только притих, покоровившись послеобеденной лени “мертвого часа”. Сонный покой разлетелся вдребезги. Все кинулись к берегу – из дверей, из окон.

У Виньки в трусах была слабая резинка, они сползали, проклятые, и он прибежал, когда с полсотни ребят уже кого-то обступили на берегу, у самой воды. Кого-то или что-то... Винька, тяжело сопя, ввинтился между голых спин и плеч. На него заглядывались. И странное дело, не огрыза-

лись. Раздвигались молча и виновато. И Винька всем сердцем понял – Глебка...

В том году, в конце мая, Винька Греев сдал первые в жизни экзамены и перешел в пятый класс. А первого июня они с отцом отправились в лагерь. В разные. Винька – в “Ленинскую смену”, а отец – на военные сборы. Как досадливо сказала мама – “опять загремел в солдаты”.

Мама была не совсем права. Обмундирование отцу дали и правда солдатское (и к тому же поношенное, белесое), но погоны были майорские. Причем золотые и новенькие. Отец объяснил, что полевых погон для старших офицеров на военном складе почему-то не нашлось.

В этих вот сверкающих погонах, полинялой форме с чужого плеча и в пахнувших ваксой кирзовых сапогах отец зашел домой попрощаться. Он отправлялся с колонной машин за двести километров от города в какую-то Сухую Елань, где разворачивался запасной военный аэродром.

Мама была очень раздосадована. Не только потому, что расставалась с мужем на полтора месяца (а то и больше – знаем мы это военное начальство!). Дело еще и в том, что в их квартире начинался ремонт.

Дом был деревянный, двухэтажный, никаких ремонтов здесь не делали с довоенной поры. Двухкомнатное жилище Греевых совсем обветшало. И наконец-то мама договорилась в своей конторе “Горпотребсоюз” о штукатурке, покраске полов и о перекладке печи, у которой в дымоходе вывали-

вались кирпичи. Договорилась – и вот, пожалуйста! В доме не остается ни одного мужчины!

– Я могу не ездить в лагерь! – вскинулся Винька.

По правде говоря, он туда не очень рвался. До сих пор в пионерских лагерях он не отдыхал, и теперь душа его была полна сомнений. С одной стороны интересно, а с другой... Опытные люди рассказывали всякое. И о суровых порядках, и о том, что, если сразу не поставишь себя как надо, могут превратить в “лагерного тютю”. У такого “тютю” судьба самая горькая.

Но мама на Виньку цыкнула: с таким трудом раздобыли путевку, а он фокусничает! Потом сказала:

– Самая лучшая помощь, если ты не будешь тут торчать целый месяц и мешать взрослым людям.

А отец сказал, что главный мужчина в доме – мама. Командовать она умеет лучше всех. А работать самой ей не придется, на то есть штукатуры и маляры. Да и прораб Василий Семеныч – хороший знакомый, не подведет.

– А уборки-то сколько будет после ремонта! Рабочие не станут ей заниматься!

– Ну, Людмилу позовешь, поможет...

Людмила была старшая Винькина сестра. Она с мужем и маленькой дочкой жила не здесь, а снимала комнату на улице Зеленая Площадка.

Мама только рукой махнула:

– У нее сессия в институте. Галку мне притащит на постой

в воскресенье, когда ясли закрыты, вот и вся помощь... Ты хоть пиши почаще. Почта-то там есть?

— Будет...

— Полевая, да? — сунулся Винька.

— Авиапочта, — усмехнулся отец. — Аэродром же. Каждый день будут специальный самолет гонять.

Он укладывал бритву, полотенце и сверток с бельем в большой штатский портфель, с которым ходил на лекции в техникум.

Винька потрогал висевшую на отцовском ремне пустую кобуру (от нее пахло как от новых ботинок).

— Папа, а пистолета почему нет?

— Дадут, когда надо будет. Предлагали получить прямо сейчас, да ну его. Потеряешь — голову снимут...

— А ордена почему не надел?

— И ты туда же! Военком тоже пристал: “Товарищи фронтовики, прошу, чтобы все были при наградах. Для воспитательного влияния на молодое поколение... Любушка, где они, эти регалии?”

Мама принесла жестяную коробку из-под чая, в ней брякало. Отец прицепил медали и стал прокалывать в гимнастерке дырки для “Отечественной войны” второй степени и двух “Красных звезд”.

Первую “Звезду” Аркадий Матвеевич получил еще за Испанию. Там он пробыл несколько месяцев и вернулся осенью тридцать восьмого года. А в августе тридцать девятого ро-

дился Винька. Вроде бы налаживалась мирная жизнь (хотя и не очень спокойная, как потом узнал Винька: в любой день, в любую ночь могли придти люди в синих фуражках и забрать человека – доказывай тогда, что ты не враг народа). А когда началась война, отца призвали в первые же дни.

Сперва отправили на тыловой аэродром, в запасной полк. Но очень скоро – в прифронтовую зону. Стрелять по фашистам папе не пришлось, но под бомбежки и обстрелы попадал часто. А один раз горел в транспортном самолете и прыгал с парашютом. Об этом случае он говорил без всякого героизма:

“Хорошо, что приземлились в болото, никто не узнал, что галифе стали сырые еще в воздухе”.

Но это все, конечно, шуточки! Тем, у кого сырые галифе, орденов не дают. Один раз отец был ранен – осколком в плечо, один раз контужен. Вернулся домой в начале сорок шестого. Уговаривали его остаться в армии, но он сказал, что хватит, навоевался. И пошел на прежнюю должность: учить студентов техникума, как надо строить самолетные моторы... Но вот через несколько лет армия вспомнила о нем опять.

Она, Советская Армия, должна была “держатъ порох сухим”, потому что заатлантические агрессоры и их прихлебатели во всем мире точили на нас зубы. Отчаянно боялись, что в Советском Союзе наконец построят коммунизм. А отец-то, он как раз из тех кто строил, потому что в партии

с тридцать пятого года. Он маме так и сказал, когда принесли повестку:

– Дело ведь не только в том, что я майор запаса. Есть еще и партийная дисциплина.

Сказал это, правда, без мужественной нотки, со вздохом. Но он всегда такой...

Отец ушел ночевать в казарму, объяснил, что в военном городке много дел, на рассвете они отправляются. В то же утро покинул родной дом и Винька. Впервые в жизни. Мама отвела его на двор своей конторы, который назывался теперь по-военному – “сборный пункт”. И покатил Винька в деревню Полухино, что в сорока километрах от города. Покатил в кузове трехтонного ЗИСа, вместе с двадцатью другими мальчишками и девчонками и толстой вожатой Валеёй, которая то и дело вскрикивала, чтобы не вставали со скамеек и не перегибались через борт.

Сбоку от кабины полоскалось и реяло на ветру шелковое знамя с бахромой и кистями, с горящим на солнце наконечником. С золотыми словами, которые все знали наизусть: “К борьбе за дело Ленина-Сталина всегда готовы!”

Это алое трепыханье и встречный ветер прогнали из Виньки слезы, которые скопились внутри от прощания с мамой. И стало казаться, что впереди – праздник и приключения. И страха как ни бывало.

Страх вернулся, когда приехали в лагерь.

Оказалось, что опасения не напрасны. Витька Жухов с козовым прозвищем *Mu ma* – лагерный старожил и авторитет – сразу углядел в толпе новичков “милого ребенка” в желтых скрипучих сандаликах, в алой сатиновой испанке на акkuratной стрижке, в отглаженной белой рубашечке и вельветовых лямках с перекладиной на груди. И, наверно, с растерянно приоткрытым пухлым ртом.

Ох как ненавидел Винька свою внешность примерного мальчика и пионера-ударника. Сколько раз приходилось, сжимая страх, доказывать делом, что он не “такой”, что “свой”. Неужели и сейчас?

Мума уперся в новичка жидко-рыжими глазами.

– Эй ты, Мотя! Ну-ка, иди сюда. Тебе говорю...

“Мотя” – значит еврей. Может, Мума решил так про Виньку Греева из-за его темной челки и похожих на сливы глаз? Неважно. Важно, что он, Мума, сволочь. Потому что лишь сволочи, белогвардейцы и фашисты могут издеваться над человеком за то, что он еврей. Винька слышал это от отца. И в книжках читал. В своей любимой повести Гайдара “Военная тайна” и в его же рассказе “Голубая чашка”.

Кстати, и папин друг Винцент Родриго Торес был еврей. Испанский. И сгорел в самолете после того, как сбил двух фашистов...

Человек, читавший “Военную тайну”, не может быть окончательным трусом. Обмирать в душе может, но поддаться какому-то гаду, да еще на глазах у всех...

Подрагивающим голосом он сказал:

– Вообще-то меня зовут Винька. Но можно и Мотя, пожалуйста, не жалко. Только идти к тебе мне неохота.

Мума скривил пухлую рожу.

– Это чего же так?

– А вот так. Сено к корове не ходит.

– Намекаешь, Абраша?

В толпе хихикнули. Подумали, что Винька и правда намекнул на “мычащее” прозвище Жухова.

– Я тебе покажу ког’ову... если не будешь слушаться.

– А как надо слушаться? – спросил Винька, чтобы протянуть время. А там, глядишь, кто-нибудь из взрослых подойдет. Вопрос прозвучал вроде бы смирно, однако с насмешечкой.

Но Мума насмешку не уловил. Покивал:

– То-то... Возьми-ка мой рюкзачок да уволоки в палату. Ты ведь пионер, должен старших уважать. У меня чегой-то спина заныла на старости лет.

– Зарядку надо делать, – опять обмирая внутри, посоветовал Винька.

– Чё такое ты сказал?

– Ты еще и глухой... по старости. Да? – Это Винька вежливо и вполголоса. Но от мягкости тона дерзость таких слов

не уменьшилась.

— Пионеры и школьники, смотрите! — с дикторским пафосом возгласил Мума. — Сейчас мальчика будут учить примерному поведению!

— Смотри не обкакайся, — звонким от ужаса голосом предупредил Винька. Потому что было уже ясно: все равно схватки не избежать и бой будет смертельный. Кругом радостно загоготали: и от того, что новичок ловко отбрил Муму, и от того, что ожидалось зрелище.

Жухов-Мума с неожиданной резвостью поднял свой грузный (по хозяину) рюкзак, прыгнул с ним к Виньке. Ухватил Виньку за шиворот и начал с сопением натягивать на него брезентовую рюкзачную сбрую. И Винька коротко вдарил ему пяткой в... ну, так сказать, пониже живота.

Про этот прием (когда нападают сзади) Виньке однажды рассказал Николай, муж сестры Людмилы. Шепотом, чтобы не слышали женщины. Винька запомнил, но применять на деле такой способ еще не приходилось. А тут — будто само собой!

Мума зашипел, словно из него выпустили газ. Согнулся. Винька отшвырнул рюкзак и ладонями пихнул Муму в плечи. Тот покатился навзничь. В гущу свежей крапивы, которая вольготно разрослась у крашеной лагерной изгороди. Крапива эта (как потом узнал Винька) крепко жалилась даже сквозь сатиновые шаровары.

В кусачих зарослях Мума секунды две лежал и моргал.

Потом завыл с нарастанием звука и, как выстреленный из рогатки-великанши, ринулся на Виньку. Облапил, сшиб. Замолотил по нему. Винька тоже замолотил по врагу – с радостью и облегчением, потому что было не очень больно и совсем уже не страшно.

Первой из взрослых подскочила повариха тетя Тоня.

– Это что еще за такое взаимодействие! Жухов, опять ты тут свои законы прописываешь! Вот возьму хворостину да по заднице!

Грозные слова не возымели действия, бой продолжался. Но от лагерной фанерной дачи уже спешила, вскрикивая и махая пухлыми руками, вожатая Валя. Она стащила Жухова с полузадавленного, но неустрашенного Виньки. Пообещала Муме “немедленно и сию же минуту” отправить его домой. Тот опять стоял согнувшись и кряхтел: видать, подкатила новая боль.

Виньку Валя ругать не стала. Привела в заваленную пионерским имуществом комнатуху, смазала зеленкой царапину на щеке и ссадины на коленях, велела снять перемазанную рубашку и пришила к штанам полуоторванную лямку.

– Ты с этим Жуховым больше не связывайся...

– Пускай первый не лезет!

– А он и не полезет. Понял, небось, что не на того напал...

Мума и в самом деле понял. И другие поняли. Никто больше не приставал. Иногда, правда, окликали “эй, Грелка”, но не ради дразнилки, а просто у всех здесь были прозвища.

Такая лагерная жизнь. Как, впрочем, и в школе...

И Винька оказался в этой жизни как все. И ему нравилось. Только на первой неделе, пока не совсем еще привык, порой подкрадывалась печаль о доме. Чаще всего в вечерние часы, перед отбоем, когда лагерь притихал. Вспоминалась мама, ну и... В общем, сами знаете, как это бывает.

Винька в такие минуты уходил на край лагерной территории, за сарай, где хранились прогнившие лодки. Между сараем и глухим забором была заросшая лопухами щель, там валялись дырявые ведра. Никто про это место не знал, иначе здесь наверняка устроили бы свое убежище курильщики.

Винька усаживался на перевернутое ведро и смотрел вверх. Розовели облака. С забора на сарай и обратно прыгали воробьи. От вечернего солнца они казались рыжими. Воробьям было хорошо: дом их был рядом и по маме они не скучали.

Один раз, когда Винька вздохнул особенно горько и размазал по грязному колену упавшую слезу, кто-то в двух шагах от него колыхнул лопухи. Винька испуганно вскинул глаза.

Рядом стоял очкастый мальчик из их третьего отряда. По прозвищу Ужик.

3

Звали его Глеб. А фамилия была Капитанов.

Он так и сказал на сборе знакомства: Глеб Капитанов. Но многие поняли это как “Глебка Питанов”. Прозвища в первый день лепили наскоро – сокращая фамилии. Но “Пита н” было непонятно. Почти сразу переделали в “Питон”. А потом кто-то из лагерных остряков заметил:

– Не питон, а кобра, потому что очковая змея.

Но “Кобра” тоже не прижилась. Рассудили, что кобра – змея грозная и ядовитая, не подступись. А Глебка был из тех, кто муху не обидит. И потому еще один остряк внес поправку:

– Не кобра, а безобидный уж. Хоть узлом завязывай – не укусит...

Ужей в окрестностях лагеря было множество, их не боялись даже девчонки. И все согласились, что Глебка по натуре своей смирный, как уж. Кроме того, ужи отмечены были желтыми пятнышками, а Глебка – редкими желтыми веснушками. Впрочем, они были почти незаметны.

Но “уж”, слово слишком короткое, неудобное. И стал Глебка не “Уж”, а “Ужик”. Это еще больше ему подходило...

Несмотря на тихий характер, “лагерным тютей” Глебка не сделался. Его не обижали. Сперва, с подначек Мумы, пробовали приставать, но Глебка смотрел в ответ с какой-то непонятной жалостью. Не к себе, а к обидчику, Серые глаза его за очками были спокойными и снисходительными: “Странные вы люди. Что за радость изводить человека?” И любители изводить один за другим отступились.

Ужик не участвовал ни в шумных играх, ни в проказах и дисциплину почти не нарушал. Почти – потому что однажды вожатая Валя подняла крик: узнала, что ее пионер Глеб Капитанов без спросу ходит к реке.

С рекой шутки были плохи, Она – совсем не широкая, но быстрая, вся в упругих струях течения и воронках. Купаться в ней разрешалось не везде, а только в одной заводи, в огороженном “лягушатнике”. Да и то под строгим наблюдением вожатых и физрука Бори. Пацаны из ближней деревни – те купались где угодно, потому что смелые и без нянек-воспитателей. Но смелость обходилась им недешево: почти каждое лето кто-нибудь из деревенских тонул.

Поэтому насчет реки правило было железное: без спросу и в одиночку на берег ни шагу. И вдруг – самовольщик! Нарушитель! И ни кто-нибудь, а тихий Ужик!

Ужик в ответ на вопли и упреки Валентины пожимал плечами и негромко ей втолковывал:

– Ну, посудите сами, что со мной может случиться? Я же просто сижу на берегу и ничего не нарушаю. Даже близко к воде не подхожу. Только так, чтобы камешек бросить.

– Все говорят: не подхожу! А потом не успеешь оглянуться – уже барахтаются по уши в воде!

– Да зачем же я полезу барахтаться, если я совершенно не умею плавать?

– А что ты тогда там делаешь?

– Ну... я сижу и смотрю. Мне нравится смотреть на тече-

ние...

Другого бы пропесочили на вечерней линейке и дали бы такой строгий выговор, после которого, если еще одно замечание, – сразу домой. Но тут Валя только рукой махнула. Потому что Глебка никогда не врал. Раз сказал, что не лезет к воде, значит оно так и есть.

В самом деле, чего ему соваться в воду, если и правда плавать не умеет? Он не купался и тогда, когда в лягушатнике плескался весь третий отряд. И даже одежду не снимал.

Он ходил в мешковатых серых брюках и в рубашке с длинными рукавами. Наверно, стеснялся своего бледного ребристого тела и тощих незагорелых рук и ног. В палате, когда все укладывались в постели, он старался поскорее залезть под одеяло. И койка его была самая дальняя, в углу.

...И вот теперь этот Глебка Ужик стоял тут, почти рядом с Винькой. По пояс в лопухах.

Винька глянул сквозь мокрые ресницы:

– Чего тебе?

Другой бы тут же выпустил в ответ колючки: твое, мол, какое дело? Где хочу, там гуляю, ты это место не купил. Но Ужик тихо объяснил:

– Я не знал, что здесь кто-то есть... Ладно, я пойду, если мешаю... – И повернулся спиной. Уши у него были, будто круглые крылышки, шея – тонкая, с желобком, который зарос рыжеватым пухом. А под просторной ковбойкой горбатились треугольные лопатки. И Виньке почудилось в Ужике

то же одиночество, что в нем самом.

– Глебка, да ты чего? Сиди тут, если тебе надо. Мне разве жалко...

Конечно, это было не по-здешнему, не по-лагерному. И то, что Винька сказал не “Ужик”, а “Глебка”, и сам его тон – слишком мягкий, даже виноватый.

Ужик обернулся. Глянул сквозь очки, словно спросить о чем-то хотел. Не спросил. Потрогал зачем-то нижнюю губу, подумал, кивнул:

– Тогда я побуду здесь.

– Садись вон на то ведро.

– Ладно... – Глебка устроился по плечи в лопухах. Боком к Виньке. Помолчали. Сильно пахло гнилыми бревнами и репейным соком.

Глебка посмотрел вверх и вдруг осторожно спросил:

– Ты, наверно, по дому соскучился, да?

Следовало возмутиться: “Чё выдумал! Какое твое дело!” Винька промокнул ресницы и выдохнул:

– Ага...

– Это понятное дело, – сказал Глебка полусшепотом, – оно со всеми случается.

“Только не с такими, как Мума”, – подумал Винька.

– Только не с такими, как Мума, – слово в слово повторил его мысль Глебка. Будто прочитал. И добавил: – Потому что такие, как он, – деревяшки.

– А ты скучаешь? – спросил Винька шепотом,

– А чего бы я сюда приходил, – так же шепотом отозвался Глебка. И все смотрел вверх. И в очках отражалось вечернее небо. – Здесь хорошо дом вспоминается.

– А ты на какой улице живешь?

– На Октябрьской. Недалеко от пристани.

“У-у”, – подумал Винька. Это было очень далеко от его дома, на другом краю города. Но, чтобы Глебке стало приятно, он сказал:

– Тебе хорошо. Там, наверно, из окон пароходы видать.

– Из окон не видать. Но там рядом обрыв, с него пристань видна и вся река до поворота... Только я больше люблю смотреть на паровозы.

– Почему?

– Ну... так. Там под обрывом, у воды, рельсы в несколько рядов, и по ним все время туда-сюда паровозы с вагонами движутся. Возят грузы на пристань и обратно. Сверху так интересно смотреть. Будто игрушечная железная дорога на столе... Ты, может, видел такую за стеклом в “Детских товарах” на Первомайской?

Винька видел. В те времена такая игрушка была великая редкость. Иногда дорогу включали. В эти минуты у витрины собиралась толпа – и ребятишки, и взрослые. Не толкались, не огрызались друг на друга, маленьких пропускали вперед.

Стоило это железнодорожное чудо триста рублей – сумма для Винькиных родителей непомерная. Для Глебкиных, видимо, тоже.

Но Глебке-то и ни к чему эта игра, раз рядом с ним настоящая дорога. Вернее, *под ним*. “Как на столе”...

– Кажется, там и станция есть, да? Я когда ходил на пристань, видел. Домик с башенкой...

– Конечно, есть! – почему-то сильно обрадовался Глеб-ка. – Станция Река. Там моя мама работает диспетчером!

Хвастаться мамой, которая работает бухгалтером, было глупо. И Винька сказал:

– А мой отец служит на военном аэродроме. Он майор.

Уточнять, что служит отец временно, Винька счел излишним.

– Он, значит, был на фронте, да? – уважительно спросил Глеб-ка.

– Конечно! У него три ордена и куча медалей.

– У моего папы тоже... были. Он погиб в Германии, когда война уже почти кончилась.

Винька стыдливо притих: вот похвастался дурак... Глеб-ка, видимо, уловил его виноватость. И быстро сказал:

– Смотри, у тебя на локте кровь. Капелька...

– Где? Ой... это божья коровка!

Винька осторожным щелчком сбросил коровку в лопухи. Глеб-ка с сожалением заметил:

– Надо было сказать: “Божья коровка, улети на небо...”

– Они вечером не летают. Только при солнышке...

– А я вчера бабочку “Павлиний глаз” видел. Вот такую большущую...

– Не поймал?

– Нет. А зачем ловить?

– Ну, может, для коллекции.

Глебка словно отодвинулся. Снял очки. Стал тереть стекла о ковбойку.

– Я не люблю такие коллекции. Мертвые...

– Я тоже не люблю.

Вдали хрипло затрубил горнист Юрка Протасов. Глебка надел очки и встал.

– Ну вот, поговорить не дадут. – Он сердито отряхнул широкие штанины. – Надо идти...

– Надо, – вздохнул Винька.

В палате Глебка с привычной суетливостью разделся и юркнул под простыню. Лег носом к стенке. Виньке казалось, что Глебка хочет оглянуться на него, но не решается. Винька тоже лег. Приподнялся на локтях, глянул через несколько кроватей на укрытого простыней Глебку и откинулся на спину.

Какие дураки придумали делать отбой, когда за окнами почти что белый день? Солнце золотится на верхушках сосен.

Прошлась по палате Валентина, задернула марлевые шторы (толку-то!).

– Ну-ка всем спать! – И ушла. Небось, на свидание с баянистом Васей.

Всюду шептались. Кого-то огрели подушкой. В углу, где

койка Андрюхи Козина (дружка Мумы), рассказывали старый неприличный анекдот:

– Однажды Пушкин, Лермонтов и Маяковский идут по улице, а навстречу им гимназист. Гимназист говорит: “Все поэты дураки...” А Пушкин...

Винька натянул простыню на голову. После разговора с Глебкой было нестерпимо слушать всякую похабщину. Стыдно даже. Как если бы ты сам сказал мерзость, а Глеб-ка Капитанов смотрит на тебя сквозь очки с тихим отвращением. Словно ты на его глазах пришил гвоздем к забору бабочку “Павлиний глаз”.

4

На следующее утро Винька подъехал с хитрыми переговорами к Юрке Шарову. Юркина койка стояла рядом с Винькиной. Шаров был вертлявый и озорной. Насмешливый. Сейчас он сидел на постели и деловито надувал засунутую под майку волейбольную камеру. Видать, его забавляло, как раздувается под майкой тугое пузо.

– Шарик, хочешь я твою рогатку достану, которую Валентина забросила в крапивную гущу?

Юрка зажал резиновую трубку зубами и возвел брови.

– М-м? – Это, наверно, означало: “Ты ненормальный?” В ядовитые джунгли, что позади кухни, человек со здравым рассудком никогда бы не сунулся.

– Думаешь, не достану? Спорим!

Шарик помотал головой. Трубка вырвалась из зубов. Брюхо под майкой опало, струя воздуха вздыбила русый Юркин чубчик. Шарик досадливо сморщился:

– Зачем она мне, эта рогатка? Валька, прежде чем кинуть, порвала ее и поломала.

– Ну... хочешь тогда три моих компота? Сегодня, завтра и послезавтра!

– А я тебе что за это?

– А ты... поменяешься с Ужиком койками. Ты туда, а он сюда. – И Винька почему-то отчаянно смутился.

Юрка, он... бывают же чудеса! Он вытащил из-под майки сплутую камеру, хлопнул Виньку плоской резиной по голове. Дурашливо так, необидно.

– Чудной ты, Грелкин. Если тебе охота рядом с Ужиком быть, зачем в крапиву-то лезть и компот продавать? Я и так... Мне в углу даже больше нравится.

Винька застеснялся еще пуще и даже выдавил “большое спасибо”, что совершенно не вписывалось в рамки лагерного этикета.

Глебка перебрался на новое место охотно. И теперь они с Винькой после отбоя сдвигали железные койки вплотную. Можно было разговаривать хоть до утра. Если, конечно, шепотом.

Ложились они не так, как все: головой не к окнам, а к двери. В этом заключался некоторый риск – можно было не за-

метить появления Валентины, которая терпеть не могла ночных шептаний. Зато в окне, выше марлевой занавески, им видно было июньское светлое небо.

Ближе к полуночи в небе проступали звезды. Одни – еле заметные, другие поярче. Про самую яркую Глебка шепнул.

– Это планета Юпитер.

После этого они целый час говорили про небесные тела, про книжки “Аэлита” и “Из пушки на Луну” и про то, есть ли на планетах и Луне люди. Решили, что, наверно, есть. По крайней мере, на Марсе. Потому что ученые говорят, будто там есть атмосфера...

Юпитер между тем подобрался к самому краю занавески. Глебка придвинулся плечом к Виньке, поднял ладонь.

– Смотри, планета сквозь ладошку просвечивает... – Он повертел рукой перед Винькиным лицом.

– Хитрый. Это ее лучи у тебя между пальцев проскакивают.

– Ну и что. А можно представить, что вся ладонь прозрачная.

– Можно, – согласился Винька.

...Потом – и в детстве, и во взрослые годы – Винцент Аркадьевич не раз видел Глебку во сне вот так: он стоит в ночном окне, раскинув руки и упираясь в косяки, а сквозь него просвечивают звезды. И планета Юпитер...

Видимо, дружба с Винькой прибавила Глебке уверенности. Стал он вести себя смелее, разговаривать погромче.

Один раз даже заспорил с вожатой Валеёй на отрядном сборе.

Отряд собрался на костровой площадке, чтобы обсудить важный вопрос: кто как выполняет летние школьные задания. Оказалось, что почти у каждого задание – собрать гербарий. Но у двоих – у Машки Ресницыной и Валерки Савенко – составить коллекцию местных насекомых. Вот тут-то Ужик и подал голос, что убивать насекомых не надо. На Ужика со всех сторон закричали, что это, мол, для науки. Когда приутихли, Глебка негромко возразил, что науке тут пользы нет, потому что здешние мотыльки и стрекозы давно изучены, а коллекции эти – только для отметки в школе или вообще просто так.

Валентина строго сказала, что летние задания – это не просто так, а выполнение учебной программы.

– Бабочкам и жукам от этого не легче, – тихо, но упрямо возразил Глебка.

Раздосадованная Машка Ресницына (конопатая и задиристая) вскочила с пенька.

– По твоему, наверно, и комаров нельзя убивать! Ты потому и ходишь весь такой закутанный, чтоб они тебя не ели и чтоб не хлопнуть случайно!

Глебка подумал и сказал, что комаров бить можно. Потому что они враги человечества. Тут все от хохота покатились по траве (кроме Виньки). И к Ужику чуть-чуть не прилипло новое прозвище – Враг человечества. Чтобы оно не прилепилось совсем, Виньке пришлось даже слегка стыкнуться

с Валеркой Савенко и его приятелем Олегом Крышкиным по кличке Лысый Мыш. К счастью, подросла Валя, иначе Виньке пришлось бы туговато. Валентина разбираться в глубине вопроса не стала, и все трое в тот день были оставлены без купанья. А Глебка, когда узнал про такое дело, сказал:

– Спасибо, что заступился. Но этому Мышу я и сам дам по шее, если будет еще обзывать.

Конечно, ничего никому Глебка не дал бы. Но все же решительности в нем сделалось побольше. И он даже согласился стать барабанщиком.

У прежнего барабанщика Гошки Лопухова (по прозвищу, конечно же, Лопух) случился приступ аппендицита, и его, беднягу, срочно увезли в город. Вожатые и совет дружины собрались, чтобы обсудить, кого теперь сделать новым барабанщиком, и баянист Вася вдруг предложил Глеба Капитанова.

На Васю со смехом замахали руками, но он сказал:

– Подождите гоготать-то. У этого Ужика природное чувство ритма. Я однажды слышал, как он по окну барабанил. Сидел один в палате и об стекло стучал ногтями по всякому – заслушаешься.

Винька был тут же, в пионерской комнате, потому что рисовывал заголовок стенгазеты “Наш костер”. И удивился: никогда он не замечал у Глебки какого-то чувства ритма. Но если оно есть – тем лучше.

Когда Глебке предложили барабан и палочки, тот не усто-

ял перед соблазном. Ну, кому же не хочется быть барабанщиком! И тут уж Глебке пришлось расставаться со своей застегнутой до шеи рубахой и мешковатыми штанами до пят. По крайней мере, перед линейками. Потому что все сводное сигнально-знаменное звено (это и отрядные флажконосцы, и дружинный знаменосец, и его ассистенты, и горнист с барабанщиком) на утренние и вечерние построения выходили в специальной форме: в синих блестящих трусиках и в голубых безрукавках с матросскими воротниками.

Гошка Лопух на барабанах стучал умело, но маршировал по-медвежьи. Кругловат он был и неуклюж. А тут – другая крайность. “Шкелетик в галстук”, – сказала ехидная Машка Ресницына. Парадная одежда делала Глебку непохожим на прежнего Ужика. Получалось вовсе уж беззащитное существо – с тонкой шеей, с руками, будто составленными из лучинок, и с беспомощным лицом – потому что без очков. Очки Глебка перед каждой линейкой снимал. Он считал, что очкастый барабанщик – явление совершенно ненормальное.

Но беспомощность пропадала, когда Глебка – слева от знаменосца и его ассистента – выходил на площадку у мачты с флагом. Когда несли вдоль строя знамя, он шагал на своих похожих на очищенные от коры вербовые прутья ногам твердо и даже красиво. И барабанил с веселой ловкостью и отвагой. Так барабанил, что горнист Юрка Протасов (он шел всегда справа от знаменной группы) с каждым разом дул в свою хриплую трубу все тише – чтобы не заглушать веселя-

щий душу марш мелькающих желтых палочек.

Винька в такие минуты радовался за Глебку. Но радость была смешана с тревогой. Странное такое чувство – будто Глебка шагает впереди атакующего строя и в него вот-вот полетят пули.

...Уже потом Винька понял, что это была не пустая тревога, а предчувствие.

Дней за десять до конца смены в лагере затеяли футбольный турнир. Глебка, разумеется, и не помышлял, чтобы его взяли в игру. После каждой линейки он опять превращался в привычного тихого Ужика, который не суется в шумные дела и многолюдье. Вожатые теперь и не старались втянуть его в какое-нибудь мероприятие. И даже на то, что он уходит один к реке, смотрели сквозь пальцы.

А Виньку в команду записали. Не столько за умение, сколько за старание и азарт. Теперь с утра до вечера шли тренировки. Даже с мертвого часа Валентина футболистов отпускала (тайком от неумолимой лагерной врачихи Марты Геннадьевны).

С Глебкой Винька виделся только в столовой да после отбоя. Но теперь не было сил для долгих ночных разговоров. Сон за минуту обволакивал и укачивал измотавшегося правого полузащитника команды “Линкор”.

С утра же – все снова.

А Глебка что? Наверно, так и бродил целыми днями в привычном одиночестве.

...И вот этот протяжный жалобный крик. И отчаянный бег до берега – далеко за территорию лагеря, за привычный лягушатник. И молча расступающиеся ребята...

Глебка лежал на спине – очень вытянувшийся, с прилипшей ко лбу рыжеватой челкой. Тяжелые брюки облепили его тощие ноги, сквозь рубашку проступали ребра. Очков не было. Веки были полуоткрыты, под ними резко светились белки. Казалось, Глебка старается глянуть из-под намокших ресниц.

“Неужели это... *то самое* ? Насовсем?... Да сделайте же что-нибудь!”

Но крик этот, скачущие эти слова были внутри Виньки. А стоял он ослабело и неподвижно. Потому что позади мысленных вскриков, позади надежды выросло понимание: Глебка уже не здешний, другой. Навсегда...

Может, кто-то говорил, кричал опять или плакал – Винька не слышал. Навалилась ватная тишь. В этом беззвучии врач Марта Геннадьевна измученно поднялась с колен и покачала головой.

Откуда-то появилась очень белая простыня. Глебку накрыли с головой. Ткань во многих местах сразу намокла.

Завхоз Иван Ильич и физрук Боря принесли садовые носилки. К ним прибиты были дополнительные дощечки (новые, желтые) – чтобы Глебкины голова и ноги не свешивались. Глебку унесли в изолятор.

Часа через два приехала крытая полупторка и увезла Глеб-

ку в город. В той же машине уехала опухшая от слез вожатая Валя. На нее смотрели с горестным пониманием: мало того, что ей жаль Глеба Капитанова, так еще и отвечать придется – плохо смотрела за своим пионером.

Третьим отрядом стал командовать баянист Вася.

Винька ушел в лопуховую щель за сараем и, скорчившись, просидел там до вечера. Что он чувствовал? Пожалуй, не столько горе, сколько потерянности и болезненное недоумение – как же так: был Глебка и вдруг нет его?

И пришло ощущение непрочности мира – как в младенчестве, когда разбился шарик...

На вечерней линейке не выносили знамя. А флаг на мачте спустили до половины и так оставили на ночь. Начальник лагеря – худой однорукий Платон Андреевич, бывший артиллерист – глухо, с прикашливанием сказал притихшим отрядам:

– Вот значит как... Жалко нашего барабанщика... А только все же я должен сказать, что все это потому, что нету у нас дисциплины... Ну, сколько же можно говорить, что берег – зона запретная? Теперь вот и мальчика не вернешь, и взрослым придется отвечать по всей строгости...

После отбоя Винька лег рядом с непривычно пустой койкой. Глебкина постель была убрана, лежал голый полосатый матрац.

Подошел баянист Вася, сказал шепотом:

– Хочешь перейти на другое место?

Винька помотал головой. Если уйти – это похоже будет на измену. Он натянул на голову простыню, и пришла прерывистая нервная дремота. И сквозь нее казалось, что Глебка рядом, на своей постели. Иногда Винька вздрагивал, открывал лицо в радостной догадке, что Глебка и правда тут и все, что случилось, – был сон.

Но в сумерках безжалостно светились белые полосы пустого матраца. И Виньку встряхивало.

После очередной такой встряски, в середине ночи, он заплакал. Взахлеб. Наверно, его многие слышали и многим он мешал. Но все лежали тихо.

...А через день все пошло как прежде. Как в повести “Военная тайна” после гибели малыша Альки. Потому что жизнь есть жизнь. И снова слышались веселые крики и смех, и анекдоты по ночам рассказывали.

Провели футбольные соревнования. И Винька играл, да. Правда, не очень удачно, однако его не упрекали.

Почти всё сделалось как было. Только Глебкину койку убрали и все кровати переставили по-иному. И Винька теперь ложился так, чтобы не видеть окно и планету Юпитер. Он больше не плакал по ночам, только иногда прикусывал подушку...

Зная на линейку сопровождал только горнист с ассистентами, барабанщика больше не назначали. Ленка Черкизова, подружка конопатой Ресницыной, сказала:

– Дураков больше нет. Один в больнице, другой – того

хуже, третьим быть кому охота? Никто не пойдет.

Винька подумал, что он пошел бы. Но его не звали. Да и барабанить он не умел, а учиться поздно – скоро конец смены.

Вернулась из города Валентина. Побледневшая, неулыбчивая, но по-прежнему решительная. Видимо, начальство рассудило, что виновата она не очень.

А за два дня до прощального костра в лагере появилась худая, очень загорелая деревенская жительница. За руку она вела (вернее тащила) белобрысую девчонку в длинном выгоревшем платье. Маленькую, лет семи. Увидела на крыльце начальника лагеря – и прямо к нему.

– Вот... она рассказывает – (И дерг девчонку за руку!) – Была на берегу, значит, с маленьким братом, с Костюшкой двухлетним, да не углядела, тот в воду. И помочь – толку нету. А с вашего берега – какой-то мальчонка! Выпихнул его на мелкое место... Ленка Костюшку в охапку да бежать... И ничего не говорила цельную неделю. Вчерась только призналась. Мы с бабкой спрашиваем: а где этот пионер-то, хоть спасибо сказать ему. А она ревет: “Не знаю”, – говорит. А потом очки мне дает. “Только вот они, – говорит, – у воды в песке нашлись”... Уж не тот ли это парнишка, упаси Господь, про которого сказывают, что утонул:

Платон Андреевич взял очки.

– Тот...

– Пресвятая Богородица, прости нас грешных, беда ка-

кая... Цельный день в поле, разве углядишь за ими окаянными... – Села на ступень, концы косынки прижала к щекам...

Как Глебка это смог? Каким отчаянным рывком он, совсем не умеющий плавать, преодолел хотя и узкую, но быструю Лебедку? Наверно, с последней силою толкнул бестолкового Костюшку на отмель (и при этом слетели очки), а сам от отдачи – на глубину... Обнаружили его быстро: колхозный сторож за поворотом реки рыбачил посреди русла, и тело зацепилось за лодку...

Наступила справедливость.

Был теперь Глеб Капитанов не утонувший по своей вине нарушитель дисциплины, а барабанщик-герой, который ценою жизни спас двухлетнего мальчишку.

Про это написали письмо Глебкиной маме, и подписался весь третий отряд.

На вечерней линейке Платон Андреевич сказал:

– Значит, не зря он, да... Это, конечно, меняет картину. И мальчик тот, Костя, будет жить ради нашего Глеба... Но все-таки, родные мои, будьте вы, пожалуйста, осторожнее. Очень уж больно это, когда героями делаются в десять лет. Это нашей мирной жизни вовсе даже лишнее...

Накануне отъезда Валентина позвала Виньку.

– Ты вот что, Греев... ты возьми очки Глеба. Вы ведь были друзья. Пусть будут на память... Или его маме отнесешь. Пусть хранит...

Винька взял очки осторожно, даже с опаской. Глебки нет,

а они... вот... все такие же...

Стекля были круглые, в оправе из тонких пластмассовых ободков. А дужки – длинные и гибкие. Они мягко зацепились за Винькин мизинец.

– Я... ладно. Отнесу...

Дом над оврагом

1

Винька не отнес очки Глебкиной маме. Он смалодушничал и схитрил...

Сперва-то он твердо решил, что отнесет – сразу, как вернется из лагеря. Ну, не совсем сразу, а на следующий день. Виньке казалось, что это его долг. При таких мыслях он даже испытывал печальную гордость.

Вернулись в воскресенье, а утром в понедельник Винька и в самом деле пошел на Октябрьскую улицу. Прошагал через весь город и оказался в пристанском районе. Глебкина улица тянулась над речным обрывом.

Адреса Винька не знал. Он понимал, что самое правильное – пойти на станцию Река и спросить диспетчера Капитанову. Если ее нет на работе, то скажут, где живет.

Но тут сомнения и страхи, которые и раньше копошились в душе, стали сильнее решимости.

Что он, Винька, скажет, когда увидит Глебкину маму? Она, конечно же, сразу заплачет. А он? Будет стоять и переминаться? Или... тоже?

У Виньки заскребло в горле. Он сердито зашагал по Октябрьской и вышел на самый край обрыва.

Отсюда все виделось так, как рассказывал Глебка.

Справа был речной вокзал: зеленое деревянное здание с часами, дебаркадеры, пыхтящий пассажирский пароход “Орджоникидзе”. Чуть дальше – грузовые причалы, краны, эстакады, кирпичные башни и водокачки... Внизу под обрывом лежали в несколько рядов рельсы, и по ним неспешно двигались маневровые паровозы. Толкали туда-сюда вагоны, платформы и цистерны. А между рельсами и откосом стоял коричневый домик с башенкой. Сверху видна была его крутая поржавевшая крыша.

Это и была станция Река. К ней вела извилистая деревянная лестница.

Ну что? Идти?..

А правильно ли он сделает, если сунется с очками теперь к маме Глеба? У нее ведь горе-то совсем свежее. Надо ли беречь еще сильнее?

Винька в эти дни то и дело вспоминал книгу “Мальчики” писателя Достоевского. Мама подарила ее зимой, на Новый год. (Винька уже потом узнал, что книжка эта – часть большого романа под названием “Братья Карамазовы”). Там рассказывалось про ребят старого, еще “царского” времени. Один из этих мальчиков, Илюша, в конце книжки умер от неизлечимой болезни... И как убивался его отец! Просто невозможно было про это читать...

У Глебки отца нет, но мать-то страдает, наверно, еще сильнее. Отцы они все-таки мужчины...

Винька постоял у верхней площадки лестницы и отошел в сторону. Сел над обрывом, на лужайке среди пыльного клевера и мелкой городской ромашки.

Внизу шла своим чередом портово-паровозная жизнь. С пыхтеньем котлов, лязганьем буферов и частыми гудками.

Было интересно... В самом деле интересно! Винька теперь понял, почему Глебке нравилось глядеть отсюда на движение дышащих па ром великанских механизмов. На все эти переплетения рельсовых стрелок, фонари, шлагбаумы и диспетчерские будки. На могучие колеса и шатуны, на трубы, топки, тендеры, выпуклые крыши вагонов и штабеля грузов на платформах...

Все это связано было между собой каким-то сложным взаимодействием, словно там, внизу, обитало исполинское существо, занятое малопонятным для посторонних делом.

Это существо пахло угольным дымом, теплым железом, просмоленным деревом шпал и масляной смазкой. Запах долетал сюда, наверх, и смешивалось с привычным запахом лета: речной воды и песка, ромашек и клевера, тополей и сохнувших на солнце поленниц.

Была во всем этом завороченность и сказочность. Ясно, почему Глебка в лагере уходил к Лебедке: его тянуло на берег. Пускай он там невысокий, без всяких паровозов, но можно ведь было сидеть и вспоминать. Можно было смотреть на бегущую воду и представлять движение составов... И Глебка сидел и смотрел. Сквозь эти вот очки...

Винька вынул очки из нагрудного кармана и надел.

Он поступал так уже не первый раз. Вначале это было трудно – приходилось преодолевать суеверное опасение. И Винька преодолевал – он не хотел, чтобы хоть что-то связанное с Глебкой внушало страх. От Глебки – только хорошее.

И теперь надел он Глебкины очки спокойно, как свои.

Хотя какие там свои! У него-то, у Виньки, зрение было отличное без всяких очков, а за круглыми стеклами весь мир размазался в зыбкие цветные пятна. Кучевые облака над рекой растеклись желтым киселем.

Зато, если снять очки и смотреть в одно стеклышко как в лупу, близкие предметы виделись увеличенно и четко. Винька поразглядывал засохшую ссадину на колене и севшее рядом с этой ссадиной семя одуванчика. Потом – головку клевера и божью коровку на сухом стебле. Надо было сказать: “Божья коровка, улети на небо...” – “Они летают только при солнышке...”

Сейчас было яркое солнце, и божья коровка послушалась. Улетела... Куда?

Может, на то самое небо, где теперь Глебка?

Пионер Винцент Греев прекрасно знал, что *такого* неба нет. Не бывает никакого небесного царства, все это выдумки неграмотных людей и попов-обманщиков. Смешно даже думать, что может быть иначе!

Но и признать, что Глебки нет совсем-совсем – тоже не получалось.

Иногда казалось, что Глебка рядом. Оглянись – и вот он. Или, когда закрываешь глаза перед сном, он садится на край постели, можно дотронуться. Это было совсем не страшно. Это было... хорошо. Винька порою даже разговаривал с ним – шепотом или просто мыслями. Спрашивал о чем-нибудь, а Глебка отвечал. Иногда согласным молчанием, иногда незаметным кивком...

И вот сейчас он будто присел слева от Виньки.

– Я еще побуду здесь немного, ладно? – шепнул Винька. Глебка понимающе нагнул голову.

Винька вытащил из кармана ковбойки небольшое выпуклое стеклышко. В лагере такие были у многих. С их помощью солнечными точками выжигали на сосновых тросточках узоры, а на деревянных лавочках – свои имена.

Очки Винька взял в левую вытянутую руку, а маленькую линзу поднес к глазу. Навел стекло на стекло. Получилось, будто объектив и окуляр. Если вставить стекла в трубку – будет телескоп.

Чертеж такого телескопа Винька нашел в последний лагерьный день. Ждали машину, Винька в пионерской комнате от нечего делать листал старые “Затейники” и в одном увидел схему и рассказ, как самому сделать астрономический прибор. Нужные стекла оказались под рукой. Винька тут же навел на очко выпуклую линзу и глянул в открытую дверь. Восьмилетний Димка Ковшов (по прозвищу Ковшик) из пятого отряда, сидевший под березой, оказался гораздо ближе,

чем на самом деле. Правда, теперь он сидел вниз головой, но это мелочь, пустяк! А если смотреть на Луну и планеты, то и вообще не имеет значения!

Винька украдкой выдрал из журнала лист...

А сейчас в стеклах был перевернутый буксирный катер – он тянул плоты по середине реки. Река-то была не то, что Лебедка, шире раз в десять. На носу катера сидела рыжая собачонка, видно было каждую шерстинку... “Если отдать очки, телескопа не будет”, – уже не первый раз подумал Винька.

Нет, можно, конечно, накопить денег и купить такое же стекло в аптеке. Но это окажется уже совсем не то... А если взять стекло от Глебкиных очков, получилось бы, что телескоп их общий. И будто Глебка вместе с Винькой смотрит на звезды. Как они в лагере смотрели на планету Юпитер...

Винька знал, что он хитрит и тянет время. Страшно было встречаться с Глебкиной мамой. Но и в рассуждениях о телескопе была правда. В самом деле – получилось бы, что Глебка ушел не совсем, не весь, и частичка его здесь, рядом...

От этой мысли у Виньки опять зацарапало в горле. Почему так вышло, что впервые за десять лет появился у него верный друг и сразу – беда! Как взрыв снаряда. Будто на войне...

Конечно, есть Кудрявая. Она тоже верная. Но... с ней все же в разведку не пойдешь. Не мальчишка же...

А Валентина про очки сказала, что можно их отдать, а можно и взять себе на память.

У Глебкиной мамы, наверно, и без того осталось немало его вещей. А у Виньки даже фотокарточки нет. Это разве справедливо?

А можно ведь еще и так. Сейчас он использует Глебкино стекло для трубы (оно ведь легко достается из гибкой оправы и вставляется обратно), а в конце лета отнесет очки его маме. К тому времени она, наверно, переживет уже самое горькое горе и встретит Виньку без больших слез. И, может быть, Винька попросит у нее Глебкин фотоснимок.

“Как ты думаешь, можно так сделать?” – спросил Винька у Глебки, который будто бы тихо дышал рядом.

Глебка молчал – кажется, с согласием. По крайней мере, без осуждения.

Винька убрал маленькую линзу в карман. А очки прицепил на грудь – дужкой за перемычку между лямками. Уже по-хозяйски. И встал. Сомнения отступили. И пока они не подкатили вновь, надо было заняться делами.

Самое первое – даже не телескоп. Сначала необходимо было обустроить свое летнее жилище. Во дворе дома над оврагом.

2

Приехав из лагеря, Винька узнал, что концом ремонта “еще и не пахнет”. Так сердито сообщила мама. Отпуск, который мама взяла специально “под ремонт”, кончился, по-

могать рабочим и подгонять их она уже не могла, а знакомый прораб Василий Семеныч слег с радикулитом.

По этой причине мама встретила Виньку без особых восторгов. Порадовалась, конечно, (“Ух как вырос, как загорел”), но тут же озабоченно сказала, что жить ему придется у Людмилы, потому что в их собственной квартире черт ногу сломит.

– А ты?

– А я уже привыкла к этому бедламу...

Винька помнил, что “лучшая помощь – это не мешать взрослым людям”, и спорить не стал.

Сестра Людмила с мужем Николаем и маленькой Галкой снимали комнату в старом доме на улице Зеленая Площадка. Но если говорить точно, дом стоял не на улице, а за огородами, над самым оврагом.

Овраг тянулся через весь город, а здесь было его начало. “Хвост” оврага упирался в железнодорожную насыпь. Изпод нее, из бетонной трубы, вытекала похожая на простой ручей речка Туринка. Текла она и выше, за насыпью, среди болотистой ложбины по окраине поселка Малая Сортировка. А здесь, в овраге, Туринка местами пряталась среди густой осоки, ольховника и дикой смородины. Журчала там, бормотала.

Заросли пахли сыростью. Но они тянулись только вдоль речки. А склоны оврага были без единого кустика, травянистые.

По другому берегу оврага шла Вокзальная улица. Там, где она кончалась, сумрачно краснела громадная кирпичная церковь без колокольни. Теперь в ней был цех Завода пластмасс имени Кагановича. Если ветер дул с той стороны, от завода пахло не очень-то хорошо. Зато на свалке, ниже бывшей церкви, можно было отыскать интересные вещи: целлюлоидных кукол, медвежат и рыбок, пластмассовые портсигары и гребешки, автомобильчики и пистолетики, пудреницы и шахматные фигурки. Все это помятое, со следами брака, но для игры вполне пригодное.

Попадались там и куски блестящего пластика – синие, малахитовые, лимонные, алые. Винька однажды собрал из них целую картину-мозаику: желто-красный самолет в бирюзовом небе над изумрудной поляной с цветами. Жаль только, что скоро картина осыпалась: конторский клей плохо держал на картоне пластмассу...

Дом, в котором жила сестра, был очень старый и несуразный. Приземистое длинное строение с горбатой крышей и кривыми окнами на разном уровне. Стены кое-где были обиты досками или фанерой, а местами темнели щелястые бревна. Хозяйка дома Евдокия Федотовна (или попросту тетя Дуся) была пожилая вдова, бывшая работница железнодорожной бани. Она жила в проходной комнатке с одним окном.

Такую же комнатку по соседству занимала одинокая сестра хозяйки тетя Катя, тоже пенсионерка. А на просторной кухне обитал еще один жилец – паренек шестнадцати лет,

Никита, внучатый племянник тети Дуся и тети Кати. Он приехал из деревни и учился в Лесном техникуме.

Никита был белобрыс, кроток и молчалив. По вечерам он сидел над учебником или клеил из блестящей соломки узоры на фанерных шкатулках и рамках. Эти деревянно-соломенные штучки у Никиты получались удивительно красивыми. По воскресеньям тетя Дуся носила их на рынок. Немного вырученных денег она давала Никите – на кино и на автобус (техникум был далеко, в Заречной слободе). Остальные брала себе – в уплату за жилье и кормление родственника.

Людмиле, Николаю и Галке хозяйка выделила самую большую комнату, с тремя окнами – одно смотрело в проулок с тропинкой-спуском, два других на двор.

Двор этот был необыкновенный.

Когда-то дом стоял не у самого оврага, поодаль. Но с годами берег оползал и оползал, двор с его сарайчиками и грядками постепенно съезжал в глубину. Чтобы отстоять “жизненное пространство”, тетя Дуся и ее муж (пока был жив) заменяли канувшую в овраг территорию дощатыми настилами. В конце концов получилась обширная, во всю длину дома, платформа. Она была сколочена из всяких случайных досок и горбылей. А держалась на многочисленных столбиках, балках и бревнах – они были врыты в косой склон оврага.

Николай, муж Людмилы, называл здешнее шаткое жилище таверной “Адмирал Бенбоу”. Он любил всякие литературные сравнения, особенно из приключенческих книжек.

Николай был веселый, энергичный и непоседливый. Недавно он окончил биологический факультет и работал в Управлении охотничьего хозяйства. Он часто ездил в командировки – проверять, как идут дела в дальних северных угодьях. У него было все, что положено путешественнику: большущий рюкзак, шляпа с накомарником, спальный мешок и двухствольное ружье двенадцатого калибра.

Весной Николай пошел в дальний закоулок оврага проверять ружье. Позвал Виньку и дал выстрелить. Предупредил: – Прижимай приклад крепче, а то ударит отдачей.

Винька прижал. Но все равно в плечо шарахнуло изо всех сил. А грохот был такой, будто в руках у Виньки взорвался снаряд от “катюши”. Но все же несколько дробинок пробили трухлявое от ржавчины ведро, в которое Винька целился.

– Молодец, – услышал он сквозь гул в ушах. – Может, хочешь еще?

Винька помотал головой. Какое там “еще”, когда еле жив остался!

– Чего зря патроны тратить, – выговорил он. – Попал разок и ладно...

И они вернулись в “таверну”.

С тем, что дом похож на трактир из “Острова сокровищ”, Винька был согласен. Ему здесь тоже чудилось что-то приморское и корабельное. Дошатый настил был шатким, как палуба. Его ограждали поручни – перила из примотанных к столбикам ржавых труб.

Недалеко от калитки сквозь “палубу” торчала прямая, будто мачта, береза. Корни ее уходили в склон оврага. От березы к столбу у крыльца тянулась веревка. На ней то и дело болталось под ветром разноцветное белье – как морские флаги.

И что еще было морского – так это риск. Ощущение легкой, но постоянной опасности, как на судне в открытом море. Потому что и там, и здесь могла разгуляться стихия. Судно могло потонуть, а дом... он при сильном ливне мог в конце концов съехать в овраг.

Людмила и Николай надеялись, что это случится не раньше, чем они получат квартиру (“А если уж поедem вниз, главное – спасти Галку”).

Тетя Дуся относилась к опасности со спокойствием старого моряка:

– Ну, обвалимся, так и ладно. Когда-нибудь все едино – помирать. Да, может, еще и не завтра...

Однако степень риска для жильцов она все же учитывала. Поэтому брала с квартирантов совсем не большие деньги, и это было очень важно для Николая и Людмилы. Зарплата у рядового охотоведа так себе, а стипендия студентки-третьекурсницы – совсем кот наплакал.

Впрочем, когда Винька вернулся из лагеря, Людмила уже перешла на четвертый, сдала летнюю сессию.

– Ух, Винчик, вымоталась я. Как голодная лошадь на пахоте, чуть копыта в борозду не откинула.

– Будущая учительница, а так выражаешься!

– А что! Это же литературный образ!

Людмила обрадовалась, что Винька будет жить у нее. С братом веселее. Тем более, что Николай опять улетел в ханты-мансийский край.

– Может, и за Галкой приглядишь иногда.

Винька не спорил, двухлетнюю племянницу он любил. Галка тоже любила юного дядюшку: он, случалось, катал ее на плечах и рассказывал сказку про козу, от которой было страшно и весело до визга. Впрочем, днем Галка чаще всего была в яслях...

Виньке и раньше приходилось ночевать в этом доме. Людмила и Николай укладывались на звенящей пружинами кровати за клетчатой занавеской, Галка спала в своей кроватке на колесах, а Винька ложился на полу – между ножками стола и подоконником. Забирался в спальный мешок Николая. Получалось, будто он в экспедиции.

Особенно интересно было зимой. Играли лунными искрами застывшие на стекле узоры. Сами собой поскрипывали на дворе доски. В морозном воздухе разносились паровозные крики – вокзал и товарная станция были недалеко. По оврагу пролетал иногда выюжный ветер. Можно было представить, будто ты в каюте шхуны “Святая Мария”, которая собралась в полярное плавание...

Но теперь стояло лето, мешок Николай увез с собой, в доме было жарко. И Винька решил оборудовать себе дачу.

Вернувшись с Октябрьской улицы, Винька забрался под настил двора. Здесь было прохладное, пахнущее глиной пространство. Ближе к дому оно смыкалось со щелястым потолком из досок, а со стороны оврага делалось просторным – стоять можно было в полный рост.

В одном месте Винька нашел широкое углубление: этакая полуосыпавшаяся ниша в глинистом откосе. У Виньки была с собой лопата. Он добросовестно работал ей часа три, сбрасывая вниз рыжую землю.

Получилась пещерка кубической формы, метра полтора в ширину и высоту. Конечно, такой подкоп не укреплял “таверну” на краю оврага. Но Винька решил, то это не беда, немножко-то подрывать можно.

Зато вон какая получилась каюта!

Позади дома, у забора, Винька нашел несколько горбылей и три листа рыхлой от влаги фанеры. Листы эти встали в “каюту” как по заказу! Из них получились задняя и боковые стенки.

Из горбылей Винька сколотил два узких топчана: один для себя, другой на всякий случай. Может, Кудрявая в гости придет, они будут сидеть друг против друга и пить чай за перевернутой кадушкой – Винька поставил ее здесь как столик.

Передней стенки не было, и Винька решил сделать занавесь. Для этого он попросил у тети Дуси старые рогожные кули из под картошки, они валялись в сарае.

Тетя Дуся, когда узнала про подкоп, ахнула и заворчала: “И без того еле-еле на краешке держимся, а ты такую мину подпустил”. Но потом вспомнила, что “все едино” и махнула рукой. И отдала кули.

Винька завесил вход в новое жилье рогожами. Стало полутемно, вверху засветились щели. Когда солнышко, это красиво. А если дождь? Винька решил, что потолок надо обить кусками толя.

Но толь можно было раздобыть лишь на свалке. Винька отправился на склон под заводом...

Оборудовать “каюту” он кончил уже под вечер, когда Людмила привела из яслей Галку.

Увидев брата, Людмила уронила руки.

– Это где же тебя черти носили? Посмотрел бы в зеркало! Из какой мусорной кучи ты вылез, обормот несчастный!

– А еще будущий педагог, – привычно завелся Винька. – Этому вас в институте учат, да?..

– Будет тебе сейчас педагог... Вся голова в глине!

Людмила стремительно вскипятила на гневно гудящем примусе воду в трехлитровой кастрюле. Разбавила этим кипятком воду в жестяном тазу и бурно вымыла Виньке голову прямо посреди “палубы”.

Винька визжал – в основном от мыла и слегка от смущенья. Но не брыкался. Все равно бесполезно. Сестра умела обходиться с ним решительно.

Галка стояла тут же и наблюдала процедуру с тихим вос-

торгом.

– Нечего глазеть, как издеваются над человеком, – сумрачно сказал ей Винька.

Людмила велела ему самостоятельно отмыть руки, ноги и шею и убираться с глаз.

Потом Людмила стала стирать Винькины штаны и рубашку, а он в трусах полез на крышу. Прихватил с собой старые газеты, пакет от фотобумаги и скользкий клубень вареной картошки. А еще – круглую прямую ножку от сломанного стула. Ножка была – ну прямо готовый шаблон для трубы. И по длине, и по диаметру. Она сужалась к одному концу. Значит, и труба будет сужаться, как у настоящего телескопа.

Винька обмотал ножку бумагой от пакета (внутри телескопу положено быть черным). Обмазал ее липкой картошкой, наклеил слой газеты. Затем еще и еще, и так десять раз. И пристроил заготовку у печной трубы на солнышке – пусть сохнет. Затем смастерил маленькую трубку для окуляра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.